Библіотека „СВѢТОЧА“
подъ редакціей *С. А. Венгерова.*
№№. 33—34
Серія „Соціологи и Утописты“ № 1.

Проф. Н. И. Карѣевъ.

ТЕОРІЯ ЛИЧНОСТИ

П. Л. Лаврова.

Съ фототипическимъ портретомъ Лаврова.

Цѣна 30 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1907.

Въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича (С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 л., 28) находятся книги Н. И. Карѣева.

Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ: I т.—ц. 2 р.; II, III и IV т.—по 3 р. 50 к.; V т.—5 р.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Ц. 60 к.

Общій взглядъ на Исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Ц. 60 к.

Государство-городъ античнаго міра. Ц 1 р. 50 к.

Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Ц. 1 р. 75 к.

Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Ц. 2 р.

Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. Ц. въ переплетѣ 1 р. 35 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Ц. въ переплетѣ 1 р. 45 к.

Главныя обобщенія всемірной исторіи. Съ историческими картами. Ц. 80 к.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Ц. 1 р.

Историческій очеркъ польскаго сейма. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Ц. 1 руб. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. Ц. 2 р. 50 к

Введеніе въ изученіе соціологіи. Ц. 2 р.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Ц. 1 р.

Историческое міросозерцаніе Грановскаго. Ц. 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Ц. 40 к.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. Ц. 50 к.

Идеалы общаго образованія. Ц. 50 к.

Выборъ факультета. Ц. 50 к.

Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ. Ц. 1 р. 25 к.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Ц. 50 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Ц. 50 к. (Складъ двухъ послѣднихъ книгъ въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Спб., Литейный, 46).

Общій ходъ всемірной исторіи. Ц. 1 р.

Политическая исторія Франціи въ XIX в. Ц. 1 р. (Складъ обѣихъ книгъ у Брокгауза и Ефрона. Спб., Прачешный пер., 6).

Библіотека „СВѢТОЧА“
подъ редакціей *С. А. Венгерова.*
№№. 33—34
Серія „Соціологи и Утописты“ № 1.

Проф. Н. И. Карѣевъ.

ТЕОРІЯ ЛИЧНОСТИ

П. Л. Лаврова.

Съ фототипическимъ портретомъ Лаврова.

Цѣна 30 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1907.

1В
3-й экз

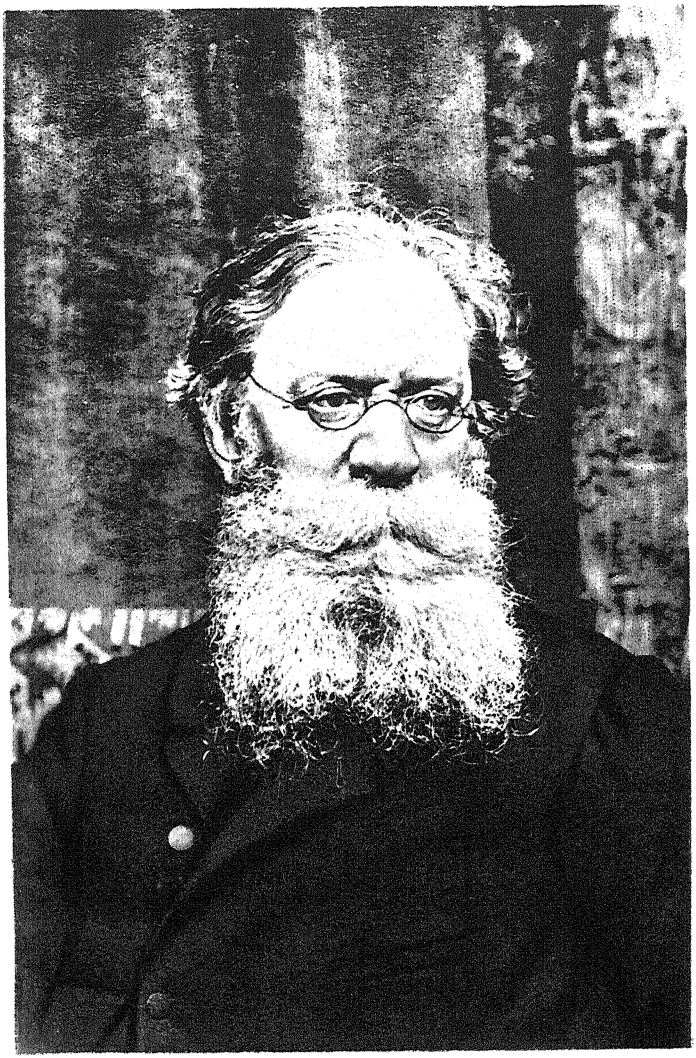
Пров. 1955

Пр.

НМ
136

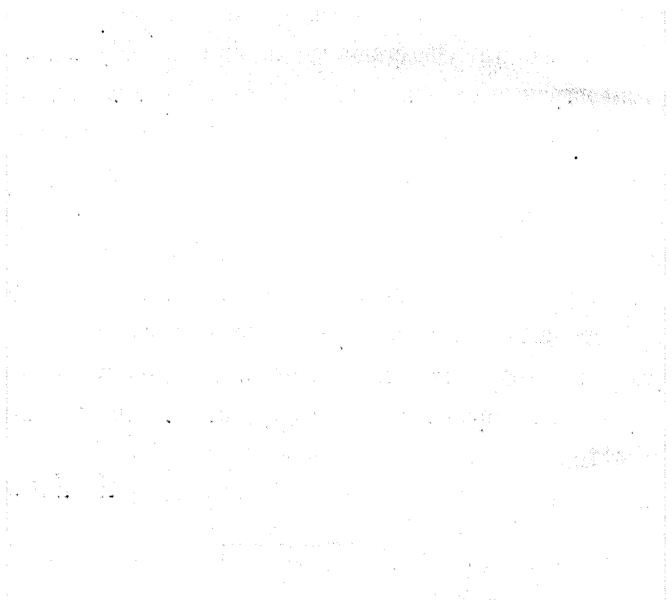
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

3360
25



Настоящая статья, написанная осенью 1901 года, предназначалась для печатавшагося въ то время сборника „На славномъ посту“, посвященнаго Н. К. Михайловскому по случаю сорокалѣтія его литературной дѣятельности. По своему міросозерцанію вообще и въ частности по вопросу о значеніи и роли личности, покойный Михайловскій былъ очень близокъ къ Лаврову, и потому я думалъ, что статья о теоріи личности, составлявшей одинъ изъ главныхъ пунктовъ ученія Лаврова, вполнѣ была бы умѣстной въ сборникѣ, изданномъ въ честь Михайловскаго. Къ сожалѣнію, тяжелая болѣзнь помѣшала мнѣ окончить свою работу къ сроку, и ей не удалось увидѣть свѣта въ сборникѣ „На славномъ посту“. Тѣмъ не менѣе, я вскорѣ же ее напечаталъ въ XII т. „Историческаго Обозрѣнія“, изданія спеціальнаго и мало распространеннаго, съ намѣреніемъ выпустить ее въ свѣтъ и отдѣльной брошюрой. Исполняя теперь это намѣреніе, я долженъ только указать на то, что въ настоящее время нѣкоторыя изъ статей Лаврова, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой брошюрѣ, имѣются въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, обстоятельство, которое конечно, облегчитъ читателю, интересующемуся вопросомъ, непосредственное знакомство съ идеями русскаго соціолога, пользовавшагося такимъ вліяніемъ и такою популярностью въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія.

Н. Карѣевъ.



Теорія личности П. Л. Лаврова.

(Къ исторіи соціологіи въ Россіи).

Недавно мы присутствовали при зрѣлищѣ, поражавшемъ многихъ своею странностью и неожиданностью. Проповѣдывалось ученіе, которое заявляло себя самымъ прогрессивнымъ, но боевымъ лозунгомъ котораго было отрицаніе за личностью всякаго значенія, какъ дѣятельной силы въ исторіи. И этому ученію внимали цѣлыя сотни, можетъ быть, даже и тысячи молодыхъ человѣческихъ существъ, какъ будто радовавшихся тому, что личность оказалась „величиною, соціологически ничтожною", а „роль ея въ исторіи—не имѣющею никакого самостоятельнаго значенія". У многихъ, по крайней мѣрѣ, такія заявленія вызывали бурю восторга—и взрывъ смѣха надъ теоріей, на смѣну которой приходило новое ученіе. Впрочемъ, можно ли было и не смѣяться, когда проповѣдники новаго „научнаго взгляда" представляли старую теорію, какъ нѣчто совершенно нелѣпое? „Личность,—такъ буквально передавалась суть этой теоріи,—*личность все можетъ* въ томъ смыслѣ, что для нея не существуетъ соціологической необходимости", ибо она есть-де нѣкая „самопроизвольная, творческая сила, ничѣмъ не обусловленная". Не то было странно, что смѣялись надъ нелѣпой идеей, которой, прибавимъ, никто и никогда, однако, не высказывалъ,—а то было удивительно, что радовались ученію о ничтожности личности сотни и тысячи человѣческихъ личностей и притомъ большею частью такихъ, со стороны которыхъ полагалось бы ожидать скорѣе преувеличен-

ныя представленія о силахъ человѣческой личности, нежели склонность къ ея отрицанію.

Это явленіе было бы даже совсѣмъ непонятно, если бы новое ученіе не представляло безличный, стихійный и роковой процессъ исторіи, какъ могучую и непреодолимую силу, имѣющую собственными своими средствами, безъ особыхъ усилій со стороны человѣка, осуществить царство правды на землѣ. Но невольно все-таки возникаетъ вопросъ, знали ли тѣ, которые восторгались благодѣтельностью фатальнаго хода судебъ человѣчества, въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается теорія личности и личнаго дѣйствія въ исторіи. Я думаю, что едва ли придется отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Въ противномъ случаѣ аудиторія должна была бы, по крайней мѣрѣ, протестовать: „Но вѣдь этого же *они* никогда не говорили! Это—клевета на *ихъ* здравый смыслъ!“

Въ числѣ представителей побѣдоносно сдававшейся въ архивъ соціологической теоріи на первомъ мѣстѣ, конечно, назывался покойный Лавровъ, который еще сорокъ лѣтъ тому назадъ выступилъ со своею теоріею личности и продолжалъ разрабатывать ее до самаго конца жизни. И въ самомъ началѣ его теоретическая философія, вращавшаяся около своего центра, равнымъ образомъ встрѣтила отрицаніе со стороны молодого поколѣнія въ лицѣ Писарева, собственная философія котораго сама, однако, была культомъ личности. Впрочемъ, въ характеристикѣ Лаврова, данной Писаревымъ въ „Схоластикѣ XIX вѣка“, мы едва ли узнали бы Лаврова, если бы самъ критикъ не сказалъ намъ, о комъ у него идетъ рѣчь. „Слабая сторона этого писателя,—говоритъ Писаревъ,—заключалась въ отсутствіи субъективности, въ отсутствіи опредѣленныхъ и цѣльныхъ философскихъ убѣжденій“. И новыя его „Бесѣды о современномъ значеніи философіи“, „не представили никакого опредѣленнаго міросозерцанія... То, что г. Лавровъ называетъ философіею, отрѣшено отъ почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры словъ; это—схоластика, праздная игра ума“. Онъ „довольствуется безцѣльнымъ движеніемъ мысли въ сферѣ формальной логики“ и т. п. [1]). Но Писаревъ въ своемъ непониманіи писателя имѣлъ, по крайней мѣрѣ, одно оправданіе: онъ не выдавалъ своихъ при-

[1]) Сочиненія Д. И. Писарева. Спб. 1868. X, 108, 109, 112.

говоровъ за абсолютныя научныя истины и не приглашалъ имъ вѣрить, какъ въ какой-нибудь Коранъ. „Въ моей статьѣ,— признался онъ самъ,—навѣрное встрѣтится много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ“ [1]), и потому онъ просилъ читателя самого подумать. Это, дѣйствительно, былъ одинъ изъ тѣхъ „промаховъ незрѣлой мысли“, въ которыхъ, какъ извѣстно, Писареву приходилось печатно каяться.

Для того, чтобы надлежащимъ образомъ понять тѣ идеи П. Л. Лаврова, которыя будутъ предметомъ дальнѣйшаго изложенія, необходимо принять въ расчетъ, что свою литературную дѣятельность, получившую въ концѣ концовъ чисто соціологическое направленіе, онъ началъ работами философскаго характера, въ которыхъ преобладали вопросы психологіи, гносеологіи и этики, стоящіе далеко отъ соціологіи въ тѣсномъ значеніи этого слова. Правда, въ настоящее время и этимъ вопросамъ стараются дать соціологическую постановку, но не слѣдуетъ забывать, что Лавровъ началъ писать сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда и въ области психологіи, и въ области этики господствовало строго индивидуалистическое направленіе. Не входя, далѣе, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ въ подробный разборъ вопроса о томъ, какъ сложилось общефилософское міросозерцаніе Лаврова и что̀ оно собою представляло въ ту пору его жизни, когда онъ выступилъ въ литературѣ, отмѣтимъ только, что онъ сильно интересовался гегельянствомъ и въ особенности „его лѣвымъ лагеремъ“, воззрѣнія котораго отразились весьма замѣтно и на его собственной философіи. Это обстоятельство мы отмѣчаемъ въ виду той идеи о „критически мыслящей личности“, которая красною нитью проходитъ черезъ всѣ научные труды Лаврова, начиная съ самыхъ раннихъ и кончая самыми послѣдними. Съ другой стороны, однако, уже и въ первыхъ статьяхъ Лаврова его мысль переходила отъ вопросовъ индивидуальной психологіи и индивидуальной этики къ вопросамъ этики соціальной и соціологіи. „Для того,—писалъ онъ въ „Очеркахъ вопросовъ практической философіи“, вышедшихъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1860 г.,— для того, чтобы современныя нравственно-политическія теоріи представились въ своемъ существенномъ единствѣ, надо

[1]) Тамъ же, стр. 113.

обратиться къ ихъ источнику, надо взять человѣческую личность въ ея психологическихъ данныхъ, надо въ этихъ данныхъ искать основу того развитія, при которомъ человѣкъ способенъ правильно судить о политическихъ и общественныхъ вопросахъ. Преслѣдуя это развитіе, должно устранить главнѣйшія увлеченія партій, затемнявшихъ вопросъ своими спорами, во имя историческихъ девизовъ. Внѣ всякихъ предположеній, не подлежащихъ наблюденію, слѣдуетъ прежде всего построить *теорію личности*“ [1]). Уже изъ этихъ словъ видно, что „теорія личности“ и тогда интересовала Лаврова, какъ необходимая основа нравственно-общественныхъ теорій, а это опять-таки совпадало съ общимъ духомъ лѣваго гегельянства, критическое отношеніе котораго къ современной ему общественной дѣйствительности тоже отразилось на взглядахъ нашего автора. „На основаніи теоріи личности,—продолжаетъ Лавровъ,—уже можно приступить къ критикѣ общественныхъ формъ, при оцѣнкѣ которыхъ полемика партій достигла высшей точки, но зато и масса наблюденій весьма значительна“ [2]).

Вотъ съ какими взглядами выступилъ Лавровъ въ первомъ своемъ значительномъ трудѣ. Для обоснованія научной этики и политики нужна психологическая теорія личности, безъ которой вмѣстѣ съ тѣмъ не мыслима и критика общественныхъ формъ. Эту свою мысль онъ старается напередъ защитить отъ всѣхъ возможныхъ противъ нея возраженій. „Къ чему,—говоритъ онъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ тѣхъ же „Очерковъ“,—къ чему теорія личности?—скажутъ иные. Безчисленныя проповѣди нравственныхъ философовъ не сдѣлали слушателей совершеннѣе. Подъ вліяніемъ физическаго устройства, обстоятельствъ жизни и общества личность развивается по необходимымъ законамъ и не можетъ быть лучше, какъ она есть“. И на это Лавровъ возражаетъ: „Кто смотритъ на личность съ безстрастіемъ ученаго наблюдателя, тому мы скажемъ: для васъ это не практическое ученіе, но существованіе необходимаго процесса... Вы не имѣете права сказать: къ чему теорія личности? Она есть необходимое

---

[1]) *П. Лавровъ*. Очерки вопросовъ критической философіи. Спб. 1860, стр. 10.

[2]) Та же страница.

явленіе въ ряду явленій сознанія; еще болѣе: она есть одно изъ обстоятельствъ, перерабатываемыхъ личностью въ мысль, въ побужденіе, въ дѣйствіе. Слѣдовательно, теорія личности имѣетъ свое значеніе — и, можетъ быть, немаловажное — въ практической жизни общества“ [1]). Такимъ образомъ научно философская постановка вопроса о значеніи личности для Лаврова уже тогда, въ самомъ началѣ его дѣятельности, имѣла и теоретическій, и практическій смыслъ. Для безстрастно наблюдающаго ученаго это—вопросъ о законахъ, по которымъ совершается развитіе личности, какъ одного изъ явленій сознанія, въ чемъ и заключается оправданіе теоріи личности, именно какъ теоріи; но рядомъ съ этимъ Лавровъ отмѣчаетъ и другую сторону дѣла — извѣстную психическую работу личности надъ собою, въ концѣ которой стоитъ дѣйствіе, уже вводящее насъ въ практику жизни. Другими словами, теорія личности нужна не только для теоріи общества но и для практической жизни послѣдняго.

Исходя изъ теоретическаго міросозерцанія съ чисто индивидуалистическимъ характеромъ, т.-е. не сводя личность цѣликомъ на роль функціи общества, Лавровъ тѣмъ не менѣе не считалъ возможнымъ разсматривать личность совершенно изолированно отъ окружающей ее среды, и это помогло ему впослѣдствіи усвоить себѣ и чисто соціологическую точку зрѣнія. Если, по его словамъ, съ одной стороны, общество немыслимо безъ отдѣльныхъ личностей, а отдѣльная личность невыдѣлима изъ общества, то это отнюдь не можетъ служить препятствіямъ къ тому, чтобы различать въ цѣляхъ изслѣдованія вопроса о человѣческой дѣятельности два ряда явленій, такъ сказать, личныхъ и общественныхъ. „Одинъ рядъ,— говоритъ Лавровъ,—выходитъ изъ отдѣльности личностей, изъ ихъ самостоятельности и постепенно развивается подъ вліяніемъ различныхъ началъ, находящихся въ самой личности, такъ же, какъ подъ вліяніемъ присутствія другихъ человѣческихъ единицъ. Другой рядъ явленій человѣческой дѣятельности истекаетъ изъ соединенія личностей въ общества, какъ причины и цѣли для дѣйствія отдѣльныхъ единицъ, но въ своемъ развитіи постоянно обусловливается силами и

[1]) Тамъ же, стр. 94.

стремленіями отдѣльныхъ личностей. Говоря о личности, необходимо имѣть въ виду общественную жизнь; говоря объ обществѣ, неизбѣжно является вопросъ объ отдѣльныхъ личностяхъ. Тѣмъ не менѣе рядъ явленій, составляющихъ *теорію личности*, образуетъ группу, легко отдѣляемую отъ другого ряда, который группируется въ *теорію общества*“ [1]). Хотя въ теоріи личности, само собою разумѣется, „безпрестанно приходится обращаться къ вліянію другихъ людей на отдѣльную личность“, но истиннымъ содержаніемъ этой теоріи должны быть „явленія человѣческой дѣятельности, которыя преимущественно истекаютъ изъ начала отдѣльности, самостоятельности личностей“ [2]).

Въ приведенномъ отрывкѣ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя частныя положенія, дающія намъ ключъ къ уразумѣнію всей общественной философіи Лаврова. Хотя личность и общество другъ безъ друга немыслимы, но въ цѣляхъ теоретическаго пониманія человѣческой дѣятельности слѣдуетъ различать двоякаго рода явленія—индивидуальныя и соціальныя. Это различеніе оправдывается тѣмъ, что въ самой личности, независимо отъ вліяній окружающей среды, находятся различныя самостоятельныя начала. Изслѣдованіе *этихъ* началъ и должно быть предметомъ теоріи личности. Съ другой стороны, тутъ же Лавровъ отмѣчаетъ, что личная дѣятельность никоимъ образомъ не можетъ цѣликомъ объясняться изъ одной индивидуальной психологіи, ибо эта дѣятельность всегда находится подъ вліяніемъ дѣятельности другихъ личностей, изъ которыхъ складывается общество. Между личностью и обществомъ происходитъ постоянное взаимодѣйствіе, сводящееся, по Лаврову, къ взаимодѣйствію отдѣльныхъ личностей. И въ началѣ, и въ концѣ своей дѣятельности Лавровъ былъ одинаково далекъ отъ мысли, будто индивидуумъ есть только продуктъ какой-то совершенно безличной общественной среды. Для него въ этомъ вѣчномъ взаимодѣйствіи личности и общества *prius* есть не общество, а личность, сама являющаяся первичнымъ элементомъ общества.

Послѣдуемъ въ самомъ дѣлѣ за Лавровымъ въ этомъ рядѣ его мыслей о взаимныхъ отношеніяхъ личнаго и обществен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 12.

наго началъ. Различивъ въ упомянутыхъ „Очеркахъ“ явленія личности и явленія общества, онъ немедленно же ставитъ вопросъ: какую категорію явленій „принять за главную, за цѣль для другихъ явленій, за начало, обусловливающее другія явленія“? Отвѣтъ его на этотъ вопросъ въ пользу личности. „Съ одной стороны,—говоритъ онъ,—мы имѣемъ дѣйствительный предметъ изслѣдованія—человѣка; съ другой, у насъ рядъ формальныхъ единицъ (семейство, артель, государство и т. п.), каждая изъ которыхъ опирается на свое собственное начало, чуждое для прочихъ“, и „признаётъ другія за призраки, а себя лишь за дѣйствительность“. Въ виду именно этого послѣдняго обстоятельства Лавровъ и находилъ болѣе правильнымъ начинать „съ положительнаго предмета изслѣдованія“, каковымъ для него является личность, потому, прибавляетъ онъ, „изученіе личности должно предшествовать изученію общества, независимо отъ результата, къ которому мы можемъ прійти“ [1]). Но, спрашивается, „гдѣ же точка исхода для теоріи личности?“, т.-е., другими словами, „какой фактъ принять за неоспоримый и начальный?“ Этимъ исходнымъ пунктомъ Лавровъ считалъ „то, что отдѣляетъ, различаетъ людей одного отъ другого“, т.-е. „явленіе *самосознанія*, отличія своего *я* отъ внѣшняго міра, отъ другихъ существъ“ [2]). Иначе говоря, уже тогда, задолго до того времени, когда Лавровъ впервые сталъ интересоваться вопросомъ о построеніи положительной науки объ обществѣ въ духѣ соціологіи Конта и объ отношеніи ея къ другимъ наукамъ, имъ уже было предрѣшено, что его соціологія будетъ опираться на психологію и что въ наукѣ объ обществѣ у него будутъ играть видную роль не одни внѣшніе процессы, но и явленія, совершающіяся въ человѣческомъ сознаніи.

Извѣстно, что Лавровъ опредѣлялъ свою философію, какъ „антропологизмъ“, потому что отправнымъ пунктомъ всего его ученія былъ человѣкъ, эта „мѣра всѣхъ вещей“, какъ выразился еще Протагоръ. Весьма естественно, что разъ такова была исходная точка зрѣнія всей его философіи, онъ не могъ поступить иначе и по отношенію къ общественной теоріи, въ которой также первичнымъ элементомъ является

---

[1]) Тамъ же, стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 13.

у него человѣческая личность. Теорія личности предшествуетъ теоріи общества, психологія—соціологіи. Съ этой точки зрѣнія рѣшающее значеніе получалъ для всей его антропологической философіи отвѣтъ на вопросъ о томъ, что̀ можно считать прирожденнымъ человѣку и что прививающимся ему общественною средою. Признавая основными способностями человѣческой личности, какъ таковой, т. е. какъ сознающаго самого себя *я*, знаніе и творчество, въ которыхъ онъ видѣлъ и главныя орудія человѣческаго развитія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ усматривалъ побужденіе къ самому знанію, къ самому творчеству—въ стремленіи къ наслажденію, этомъ, какъ выражался Лавровъ, „простѣйшемъ началѣ, неразрывно связанномъ съ самосознаніемъ и необходимо присутствующемъ во всѣхъ побужденіяхъ человѣческой дѣятельности“ [1]). Это,—говоритъ онъ еще,—есть „начальное психологическое явленіе, слѣдующее за самосознаніемъ,—явленіе, съ котораго начинается рядъ личныхъ явленій человѣческой жизни. Это—побужденіе, съ котораго начинается работа знанія и творчества—развитіе человѣка, какъ дѣятеля“ [2]). Итакъ, корень всѣхъ личныхъ явленій человѣческой жизни въ желаніи наслажденія. Конечно, это положеніе Лаврова не слѣдуетъ принимать въ грубо-матеріальномъ смыслѣ. Напротивъ того, въ истинно человѣческомъ развитіи вырабатывается способность наслаждаться самою нравственною жизнью, и это наслажденіе ставится развитымъ человѣкомъ выше всѣхъ другихъ доступныхъ вообще людямъ наслажденій, но общій корень у всѣхъ наслажденій—одинъ и тотъ же. Въ своей теоріи личности Лавровъ выступилъ не только психологомъ, который—правильно ли, или неправильно, другой вопросъ—сводилъ все богатство личныхъ явленій человѣческой жизни къ одному основному и простѣйшему началу, но и моралистомъ, объявившимъ, что личность должна стремиться къ нѣкоторому идеалу совершенства. Но объ этомъ послѣ. Здѣсь мы лишь

---

[1]) Тамъ же, стр. 14.

[2]) Тамъ же, стр. 15. Сравни его „Три бесѣды о современномъ значеніи философіи“ (Спб., 1861), гдѣ между прочимъ говорится то же самое: „Желаніе есть источникъ всякой человѣческой дѣятельности“ (стр. 18) и „желаніе, источникъ знанія, источникъ творчества, есть тоже источникъ жизненной дѣятельности, развитія“ (стр. 54).

подчеркиваемъ, что теорія личности Лаврова была не только психологическою, но и этическою. Позднѣе, въ своей замѣчательной работѣ „Современныя ученія о нравственности и ея исторія“, появившейся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1870 г. [1]), онъ подробно обосновалъ свой взглядъ на способность наслажденія собственнымъ развитіемъ, какъ на могучій факторъ нравственной жизни, но уже и въ первой его философской работѣ мы встрѣчаемся съ тою же идеею. Съ этой точки зрѣнія мысль человѣка является сама созидающею, творческою силою, и признаніе за мыслью такого значенія характезируетъ не только этику Лаврова, но и его историческую теорію, въ которой личная дѣятельность, руководимая мыслью, разсматривается, какъ факторъ исторической жизни. „Для того,—писалъ Лавровъ все въ тѣхъ же первыхъ своихъ „Очеркахъ“,—для того, чтобъ исторія человѣка началась, чтобы началось развитіе, чтобы родилась нравственность, необходимо, чтобы творчество человѣка обратилось на него самого, чтобы къ сознанію своего *я* присоединилось представленіе своего *я*“. Это представленіе вырабатывается фантазіей. Именно „фантазія создаетъ предъ человѣкомъ внѣ его дѣйствительнаго *я* другое, идеальное *я*, которое остается *относительно* постояннымъ при безпрестанномъ измѣненіи чувствъ, желаній и душевныхъ состояній человѣка. Это идеальное *я*—личное достоинство человѣка“ [2]). Съ послѣднимъ понятіемъ мы, несомнѣнно, входимъ въ область этики, но оно же играетъ роль и въ исторической философіи Лаврова, насколько она вырисовывается уже въ этомъ первомъ его философскомъ произведеніи. О томъ настроеніи, которое въ самомъ авторѣ возникало при созерцаніи этой идеи, можно судить по слѣдующимъ его словамъ: „Требованія, рождающіяся изъ понятія о личномъ достоинствѣ, разнообразны: какъ *идеалъ*, достоинство требуетъ уваженія; какъ *личный*, отдѣльный идеалъ, онъ требуетъ *самостоятельности* личности; какъ *цѣль*, которая должна быть преслѣдуема, если не можетъ быть вполнѣ достигнута, онъ требуетъ, во первыхъ, *дѣятельности*, сообразной цѣли, во-вторыхъ, устраненія преградъ, связывающихъ личность, мѣшающихъ ей воплощать этотъ

[1]) См. ниже, стр. 57.
[2]) Очерки вопросовъ практической философіи, стр. 29.

идеалъ въ слово и въ дѣйствіе: оно требуетъ *свободы* личности“ [1]).

И наслаждаться, и развиваться, и поддерживать свое достоинство мѣшаютъ въ дѣйствительной жизни весьма многочисленныя препятствія, для преодолѣнія которыхъ у человѣка есть силы физическія, силы умственныя, сила характера. Отмѣчая, что онѣ, эти силы, поэтому входятъ въ самое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, требующемъ къ себѣ уваженія, Лавровъ оговаривается, однако, что въ данномъ случаѣ упомянутое достоинство имѣетъ эгоистическій характеръ, т.-е. разсматривается, какъ „достоинство личности, которая не беретъ въ соображеніе свои отношенія къ другимъ личностямъ. На этой точкѣ зрѣнія,—поясняетъ Лавровъ свою мысль,—человѣкъ приписываетъ себѣ безусловное право подчинять себѣ все и всѣхъ, расширять свою личность до предѣловъ возможности, налагаетъ на себя безусловную обязанность выдѣленія изъ всего окружающаго *исключительнаго* уваженія своей собственной личности“. Даже дополняясь, расширяясь и вслѣдствіе этого теряя свою исключительность, это начало уваженія къ собственной личности „остается основою человѣческой нравственности, которая лишь тамъ существуетъ, гдѣ есть самоуваженіе“ [2]). Вообще, Лавровъ искалъ такимъ образомъ отвѣта на вопросъ и о происхожденіи нравственности прежде всего въ психологіи самого индивидуума, т.-е. не въ соціальной средѣ. Это не значитъ, впрочемъ, чтобы, по его мнѣнію, въ образованіи нравственности совсѣмъ не участвовала и эта среда, другими словами, общество.

Выдѣляя для удобства изслѣдованія личность изъ той среды, съ которою она неразрывно связана, Лавровъ никогда не забывалъ, что рядомъ съ личностью существуетъ общество, и когда это оказывалось нужнымъ, онъ тотчасъ же обращался своею мыслью къ послѣднему и спрашивалъ себя, насколько мыслимо совершенно прямолинейное развитіе того, что можно принять за чисто личное начало. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что произошло бы въ томъ случаѣ, если бы стало требовать полнаго осуществленія безусловно эгоистическое пониманіе личнаго достоинства, не берущее въ расчетъ существованія рядомъ съ нимъ и другихъ предметовъ.

[1]) Тамъ же, стр. 30.

[2]) Тамъ же, стр. 31.

„Если бы,—говоритъ Лавровъ,—представлялась возможность, то личность объявила бы весь міръ своею собственностью и всѣхъ людей своими рабами, всѣ силы природы—своими орудіями". Но именно осуществленіе такого всемірнаго деспотизма личности прежде всего невозможно. Человѣкъ окруженъ другими предметами, которые или слабѣе его, или ему равносильны, или сильнѣе его. Конечно, „отношеніе человѣка къ предметамъ этихъ трехъ разрядовъ весьма различно, и слѣдствіемъ этого различія являются новыя чувства, развивающіяся въ душѣ человѣка и невозможныя до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ въ виду только собственную личность. Слѣдствіемъ этого являются и новыя черты, прибавленныя къ идеалу человѣческаго достоинства" [1]). Такъ, рядомъ съ властолюбіемъ возникаетъ по отношенію къ слабѣйшимъ „милосердіе", рядомъ со страхомъ въ присутствіи преобладающей силы—самоотверженіе [2]), рядомъ съ борьбою равносильныхъ личностей—справедливость. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за Лавровымъ въ его разсужденіи о сравнительномъ достоинствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ милосердія, самоотверженія и справедливости. Отмѣтимъ только, что и милосердіе, и самоотверженіе онъ опять-таки выводитъ изъ основного эгоистическаго принципа [3]), но что ни милосердіе, ни самоотверженіе онъ не считаетъ „безусловными началами", такъ какъ первое „предполагаетъ произволъ личности, способной помиловать" однихъ и не помиловать другихъ [4]), а

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

[2]) „Самоотверженіе есть отвращеніе отъ борьбы даже тогда, когда умъ видитъ ясно ея удобство и неизбѣжный успѣхъ. Самоотверженіе есть желаніе подчиниться тому, кого мы считаемъ выше себя". Тамъ же, стр. 43.

[3]) „Чѣмъ выше развитъ человѣкъ, слѣдовательно, чѣмъ его нервная система чувствительнѣе, тѣмъ непріятнѣе состояніе зрителя чужого страданія. Это нервное состояніе отражается въ душѣ чувствомъ отвращенія къ чужому страданію, а въ лучшихъ натурахъ чувствомъ сожалѣнія". Тамъ же, стр. 39—40. „Нервы человѣка пробудили въ немъ состраданіе", стр. 90. „Процессъ, посредствомъ котораго эгоистическая личность достигаетъ самоотверженія", Лавровъ понималъ такъ: „Сначала чужое существо намъ дорого, какъ дополненіе нашего благосостоянія, нашего достоинства; мы готовы принести жертвы для его сохраненія, потому что оно *намъ* нужно" и пр., стр. 45.

[4]) Тамъ же, стр. 40.

второе тоже не можетъ быть ни общимъ, ни вдобавокъ продолжительнымъ, не говоря уже о томъ, что „самоотверженіе, выходящее изъ самоуниженія, самоотверженіе по привычкѣ или въ порывѣ страсти недостойно человѣка“ [1]). Инымъ характеромъ, по Лаврову, отличается принципъ справедливости, который только одинъ и можетъ придать вполнѣ нравственное значеніе и милосердію, и самоотверженію. Источникъ чувства справедливости онъ видѣлъ въ способности творчества, которая „расширяетъ личный идеалъ достоинства по мѣрѣ расширенія человѣческихъ отношеній. Столкновенія съ равносильными личностями безпрестанны; безпрестанна необходимость уступокъ и требованій уступокъ отъ другихъ. Въ своемъ творчествѣ, въ своемъ идеалѣ человѣкъ стремится къ примиренію съ этимъ положеніемъ, и предъ нимъ возникаетъ представленіе *равноправныхъ* личностей. Онъ сознаётъ между личностями отношенія справедливости“. Человѣкъ, чувствующій состраданіе къ другому или готовый къ самопожертвованію ради другого, признаётъ въ себѣ и въ этомъ другомъ нѣчто общее, но общее въ себѣ и въ другихъ признаётъ и человѣкъ, который обнаруживаетъ въ себѣ и въ нихъ одинаковыя и высшія качества. „Мы оба,—говоритъ такой человѣкъ,—равно уважаемъ свое достоинство; мы оба равно сознаёмъ, что другой уважаетъ свое достоинство. Это равенство уваженія и сознанія намъ обще. Оскорбленіе достоинства того, кого я призналъ равнымъ, есть во мнѣ оскорбленіе сознанія этого равенства, слѣдовательно, оскорбленіе и моего достоинства. Я долженъ быть оскорбленъ оскорбленіемъ достоинства равной мнѣ личности, какъ всякая равная мнѣ личность должна быть оскорблена оскорбленіемъ моего достоинства. Я долженъ чувствовать въ себѣ не только свое, но и чужое достоинство, наслаждаться наслажденіемъ того и другого, страдать отъ униженія того и другого. Если я оскорблю достоинство личности, мнѣ равной, то я оскорбляю самого себя. Поэтому я долженъ при каждомъ столкновеніи съ равною мнѣ личностью сознать въ себѣ какъ свое, такъ и чужое достоинство и потомъ рѣшиться на дѣйствіе во имя равноправности обѣихъ нашихъ личностей на обоюдное наше уваженіе. Не признавая чужого достоинства,

[1]) Тамъ же, стр. 52.

я эгоистъ; признавая только чужое, я подчиняюсь самоотверженію; равно уважая свое и чужое достоинство, я *справедливъ*, и справедливость есть расширеніе моего достоинства“ [1]). Лавровъ считалъ справедливость „невыдѣлимымъ свойствомъ“ человѣка. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—она родилась въ то же время, какъ человѣческое сознаніе и человѣческій эгоизмъ. Съ первымъ обществомъ, съ первою встрѣчею между людьми, которая не рѣшилась борьбою и подчиненіемъ одного другому, начало равноправности, обоюднаго права на взаимное уваженіе достоинства, явилось по логической необходимости въ душѣ человѣка. До сихъ поръ оно не вошло въ практику жизни, но давно уже проникаетъ въ нравственный идеалъ... Понятіе о существахъ равноправныхъ измѣняется, расширяется со временемъ, но въ каждое историческое мгновеніе для каждой личности существуетъ кружокъ существъ ей равноправныхъ, въ отношеніяхъ къ которымъ человѣкъ требуетъ отъ себя и отъ другихъ не милосердія, не самоотверженія, а справедливости. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ сознаніи человѣка безграничныя права личности обращаются съ помощью этого начала во взаимно признанныя, взаимно уважаемыя, но взаимно ограничивающія права всѣхъ равноправныхъ личностей. Въ наше время,—прибавляетъ Лавровъ,—для большинства мыслителей достоинство отдѣльнаго *я* дѣлается достоинствомъ человѣка“ [2]). Къ сожалѣнію, размѣры статьи не позволяютъ намъ привести вполнѣ ту характеристику справедливости, которую даетъ Лавровъ [3]), и мы ограничимся лишь указаніемъ на признаніе имъ за этимъ принципомъ безусловнаго значенія. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ онъ,—идеалъ человѣческой личности къ эгоистическому праву и къ эгоистическому дѣлу развивать въ себѣ тѣло, мысль, характеръ прибавляетъ право и обязанность быть справедливымъ. Это новое начало не отрицаетъ личнаго достоинства, но расширяетъ его, потому что справедливость дѣлается необходимымъ и высшимъ условіемъ собственнаго достоинства личности. Столкновеніе эгоистическаго побужденія и начала справедливости въ душѣ самого человѣка не можетъ вести ни къ ка-

[1]) Тамъ же, стр. 58.
[2]) Тамъ же, стр. 60.
[3]) Тамъ же, стр. 61 и слѣд.

кимъ взаимнымъ уступкамъ, потому что справедливость признаётъ эгоизмъ какъ свое начало, какъ необходимый элементъ своего существованія, но дополняетъ его сознаніемъ равноправности эгоизма другихъ и равной обязанности для каждаго уважать чужое и свое достоинство. Это начало равенства, заключающееся въ сознаніи справедливости, дѣлаетъ всякое, даже малѣйшее отступленіе отъ справедливости совершеннымъ отрицаніемъ ея. Она въ каждой отдѣльной личности въ данное мгновеніе не допускаетъ степеней. Немножко справедливымъ быть нельзя, какъ можно быть болѣе или менѣе знающимъ, твердымъ въ своихъ мнѣніяхъ, болѣе или менѣе страстнымъ, самоотверженнымъ, милосердымъ. Кто нѣсколько отступаетъ отъ справедливости въ чувствахъ и дѣйствіяхъ, тотъ совершенно несправедливъ". Притомъ, признавая справедливость „самымъ естественнымъ плодомъ эгоизма, поставленнаго въ столкновеніе съ другими эгоизмами и примиряющагося съ своимъ положеніемъ силою своего творчества", Лавровъ прибавлялъ еще, что, „какъ необходимое понятіе, заключающее въ себѣ эгоизмъ и не допускающее уступокъ, справедливость должна составлять высшее достоинство личности, передъ которымъ эгоистическія побужденія, какъ самостоятельныя, должны уступить" [1]). Наконецъ, только на точкѣ зрѣнія справедливости, по убѣжденію Лаврова, получаютъ дѣйствительный смыслъ понятія *права* и *обязанности*. „Сознавъ, что̀ справедливо, человѣкъ получаетъ одновременно право и обязанность требовать осуществленія справедливости. Требуя отъ себя поддержки своего и чужого достоинства, онъ налагаетъ на себя *обязанность*. Требуя того же отъ другихъ, онъ пользуется своимъ *правомъ*. Но человѣкъ *обязанъ* пользоваться всякимъ сознаннымъ правомъ и обладаетъ невыдѣлимымъ *правомъ* исполнять всегда свою обязанность" [2]). Поэтому въ справедливости Лавровъ видѣлъ источникъ всѣхъ общественныхъ добродѣтелей, какъ въ самоуваженіи—источникъ всѣхъ добродѣтелей личныхъ, а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—въ правильно понятомъ уваженіи своего достоинства [3]).

Во всемъ этомъ разсужденіи, которое мы передали, конечно, въ сокращенномъ видѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе

[1]) Тамъ же, стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 64.
[3]) Тамъ же, стр. 65.

на попытку вывести всѣ высшія проявленія личности изъ принятой авторомъ первоначальной основы, причемъ совершенно особое мѣсто онъ отводилъ высшей человѣческой добродѣтели—справедливости, возникающей на почвѣ отношенія личности къ тѣмъ, кого она признаётъ равными себѣ. Во всякомъ случаѣ, стремящаяся къ наслажденію личность Лаврова не есть личность эгоистичная. Ей доступны и другія чувства, кромѣ простого себялюбія, и ихъ существованіе расширяетъ чисто личную жизнь, позволяя человѣку быть и существомъ общественнымъ. Впослѣдствіи Лаврова также сильно занималъ вопросъ о происхожденіи всѣхъ сложныхъ явленій личной жизни изъ основного стремленія всякаго живого существа къ наслажденію, но, повторяя многое изъ того, что уже въ началѣ своей дѣятельности онъ признавалъ своимъ высшимъ идеаломъ, онъ позднѣе пользовался услугами эволюціонной теоріи, которая едва только намѣчалась, когда подготовлялись „Очерки вопросовъ практической философіи“. Впослѣдствіи, когда Лавровъ познакомился съ ученіями Конта, Дарвина и Спенсера, отношеніе его къ личности сдѣлалось вообще болѣе реалистичнымъ, и онъ болѣе сталъ считаться съ тѣмъ, каковы люди на самомъ дѣлѣ, но его никогда не покидалъ тотъ идеализмъ, который былъ имъ воспринятъ изъ умственнаго общенія съ лѣвымъ гегельянствомъ. Въ раннихъ своихъ трудахъ будущій соціологъ былъ больше моралистомъ, чѣмъ изслѣдователемъ, болѣе рисовалъ идеалъ личности, чѣмъ ея реальную эволюцію, охотно указывалъ на то, чѣмъ личность должна быть, и мало интересовался тѣмъ, чѣмъ она бываетъ и какъ она стала таковою, каковою мы ее видимъ при теперешнемъ состояніи человѣческаго міра.

Въ эпоху чисто соціологическихъ трудовъ Лаврова вопросъ о роли личности, какъ агента въ историческомъ движеніи, постоянно привлекалъ къ себѣ его вниманіе, но раньше на первомъ планѣ у него вообще стоялъ вопросъ, какъ должна проявлять себя личность въ жизни. Иначе говоря, вопросъ ставился о достоинствѣ личности въ идеальномъ смыслѣ, а не о ея реальномъ значеніи, какъ положительной силы. По-видимому, эта послѣдняя не возбуждала никакихъ сомнѣній, и все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы надлежащимъ образомъ воспитать и направить эту силу. Лавровъ не за-

давался опредѣленіемъ причинъ и условій, дѣлающихъ возможнымъ вмѣшательство личности въ процессъ исторической жизни общества, и сосредоточивалъ всю свою мысль на выясненіи тѣхъ требованій, которыя слѣдуетъ предъявлять нравственному человѣку, стремящемуся къ воплощенію истины и справедливости въ общественныхъ формахъ. Поэтому первымъ качествомъ, которымъ долженъ обладать вполнѣ и нормально развитой человѣкъ, Лавровъ въ своихъ „Очеркахъ“ объявилъ волю, силу характера. „Высшее достоинство личности,—говоритъ онъ,—не въ физическихъ качествахъ, не въ умственномъ развитіи. Тѣло и умъ—превосходныя орудія наслажденія: помощью ихъ человѣкъ можетъ подчинять себѣ все окружающее; но это только орудія; они доставляютъ только *возможность* наслажденія. Для дѣйствительнаго могущества, для дѣйствительнаго достоинства надо рѣшиться, а рѣшимость не принадлежитъ ни тѣлу съ его побужденіями, ни уму съ его мышленіемъ, но волѣ, развивающейся въ характеръ.... Безъ силы характера,—продолжаетъ онъ,—всѣ физическія и умственныя силы человѣка теряются лишь на то, чтобы подчинять большую часть своей жизни тысячѣ обстоятельствъ, ему встрѣчающихся, и не потому, что онъ не можетъ выбрать себѣ дорогу, а потому лишь, что не рѣшается идти по ней. Отсюда мы получаемъ, что высшее достоинство личности заключается въ ея характерѣ“ [1]). Человѣкъ, лишенный силы воли, подчиняется обстоятельствамъ; человѣкъ съ характеромъ обладаетъ „могуществомъ“ себѣ подчинять обстоятельства.

Та личность, теоріей которой занимался Лавровъ въ началѣ своей дѣятельности, вообще такимъ образомъ представляется намъ идеаломъ, а не реальною величиною, съ которою мы постоянно встрѣчаемся въ жизни и въ исторіи. Это понятіе у него—плодъ творчества, а не изслѣдованія. Но къ этому понятію Лавровъ постоянно возвращался, и почти каждый разъ оно осложнялось новыми чертами, которыя, съ одной стороны, обогащали самое содержаніе идеала, а съ другой—приближали и вырабатываемое понятіе о личности къ реальнымъ фактамъ жизни. Прежде, нежели мы будемъ говорить, какъ происходило послѣднее, мы должны остановиться

[1]) Тамъ же, стр. 34—35.

на внесеніи Лавровымъ еще одной черты въ его идеалъ личности. Эта черта стоитъ въ связи съ только-что отмѣченнымъ возвеличеніемъ въ человѣкѣ его характера. Не подчиняться обстоятельствамъ, а ихъ себѣ подчинять, — такова формула человѣка съ сильною волею. Въ умственной сферѣ, это — стремленіе жить своимъ умомъ, а не чужими мыслями и стремленіе своимъ мнѣніямъ давать ходъ въ жизни. Мы уже упомянули о томъ, какое значеніе идея критики имѣла въ лѣвомъ гегельянствѣ, оказавшемъ на Лаврова большое вліяніе. Съ этою самою идеей мы встрѣчаемся уже въ первыхъ трудахъ Лаврова, раньше чѣмъ онъ опредѣленно заговорилъ о „критически мыслящей личности“. Черезъ годъ послѣ „Очерковъ вопросовъ практической философіи“ Лавровъ выпустилъ въ свѣтъ „Три бесѣды о современномъ значеніи философіи“, въ которыхъ, между прочимъ, съ особою ясностью высказалъ свое сочувствіе къ самому принципу критики. „Человѣкъ,—напримѣръ, говоритъ онъ здѣсь,— относится къ существующимъ формамъ искусства или научнаго творчества не какъ идолопоклонникъ къ своему кумиру, но какъ свободно развивающаяся личность къ продуктамъ и средствамъ своего развитія. Онъ ихъ обсуживаетъ и подвергаетъ *критикѣ* во имя знанія. Эта критика,—продолжаетъ онъ,—не есть творчество, но она дополняетъ творчество, доставляя ему жизнь и развитіе; она есть *философія въ творчествѣ... Постоянное внесеніе всего своего знанія, всего своего бытія въ свои созданія, это есть условіе философіи въ творчествѣ.* Безъ нея всюду рутина и неподвижность; она представляетъ вѣчную *борьбу съ созданнымъ во имя создающаго.* И тогда, когда мы принимаемъ уже существующія формы, мы ихъ принимаемъ во имя критики, послѣ борьбы съ ними, признавъ ихъ удовлетворительными, но признавъ за собою право отыскивать новыя формы въ случаѣ нужды. Все *заслуживаетъ* уваженія лишь настолько, насколько сознано *послѣ критики, какъ достойное* уваженія“ [1]). „Внѣ критики,—говоритъ онъ еще въ другомъ мѣстѣ,— нѣтъ развитія; внѣ критики нѣтъ совершенствованія. Безъ критики всего окружающаго человѣкъ никакъ бы не выработался изъ животнаго состоянія, переходилъ бы всю жизнь

[1]) Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Спб. 1861. Стр. 46

отъ одного мгновеннаго желанія къ другому, безъ плана, безъ послѣдовательности. Критика собственныхъ желаній, какъ критика *желаемаго* предмета и какъ критика *желательнаго* состоянія духа, позволяетъ человѣку построить іерархически свои побужденія и предметы, ихъ возбуждающіе, позволяетъ ему сказать: это лучше, а это хуже; слѣдовательно, при одновременной возможности обоихъ первое—добро, а второе зло“ [1]). Въ чемъ же, слѣдовательно, значеніе критики? Въ томъ, что безъ нея міръ погрузился бы въ неподвижность, что ею создается движеніе впередъ, что, совершаясь во имя знанія она въ то же время руководитъ творчествомъ и именно творчествомъ все лучшихъ и лучшихъ формъ жизни. Между прочимъ, критикою руководитъ и идея справедливости. Не человѣкъ существуетъ для общественныхъ формъ а общественныя формы для человѣка, и онѣ должны быть справедливы. Справедливая личность не можетъ не критиковать несправедливыхъ общественныхъ формъ. „Сознаніе,—говоритъ объ этомъ Лавровъ,—присутствуетъ только въ живыхъ, дѣйствительныхъ личностяхъ. Отвлеченныя общественныя единицы суть лишь формы, въ которыя отдѣльныя личности вкладываютъ свое сознаніе. Онѣ суть всегда орудія личностей“. Судъ надъ этими формами „принадлежитъ личностямъ и можетъ быть произведенъ только во имя высшаго личнаго начала, во имя справедливости. Личность, сознавая въ своей душѣ начало справедливости, сознаётъ въ то же время себя, какъ справедливую личность, судьею, создателемъ и цѣлью общественныхъ формъ. Внѣ личности нѣтъ ни блага, ни справедливости, и она вооружается критикою относительно формъ, ею созданныхъ, и анализомъ относительно самаго понятія собирательной единицы—общества, относительно его обязанностей и необходимыхъ условій“ [2]).

Эта критика общественныхъ формъ, подъ которыми Лавровъ разумѣлъ вообще всю соціальную среду, вездѣ и всегда понималась имъ не только въ смыслѣ суда личности надъ всею культурно-соціальною обстановкою, но и въ смыслѣ исходнаго пункта для побужденія и рѣшимости измѣнить общественныя формы по указаніямъ разума и нравственнаго

[1]) Тамъ же, стр. 55.
[2]) Тамъ же, стр. 92.

чувства. Измѣнять значитъ дѣйствовать и создавать нѣчто новое. Дѣло въ томъ, что, какъ это видно уже изъ только-что приведенныхъ словъ, общественныя формы были въ глазахъ Лаврова прежде всего созданіями людей, результатами ихъ дѣятельности: отдѣльныя личности вкладываютъ въ нихъ свое сознаніе, пользуются ими, какъ своими орудіями, являются истинными ихъ создателями. Съ этою мыслью Лавровъ не разставался до самаго конца своей научной дѣятельности, но, подчеркивая это обстоятельство, нельзя не упомянуть, что уже и въ началѣ ея онъ находилъ нужнымъ, хотя и не очень пространно, говорить и объ обратномъ дѣйствіи—общественныхъ формъ на личность. По его словамъ въ „Трехъ бесѣдахъ", процессъ, совершающійся въ личности при ея развитіи, обусловливается средою, въ которой онъ совершается и которая одна даетъ ему опредѣленность [1]). Самая среда эта мыслилась Лавровымъ,—опять-таки въ тѣхъ же „Трехъ бесѣдахъ",—какъ, съ одной стороны, окружающая природа и какъ общество, съ другой. „Каждый человѣкъ,—такъ формулировалъ онъ свою мысль объ этомъ предметѣ въ названномъ сочиненіи,—каждый человѣкъ въ процессѣ исторіи представляется намъ, какъ общая вершина двухъ конусовъ. Внѣшній міръ даетъ ему матеріалъ жизни, окружаетъ его своимъ вліяніемъ, вырабатываетъ въ немъ мозгъ для мышленія, придаетъ ему воспріимчивость и дѣлаетъ его способнымъ развиваться. Исторія подсказываетъ ему съ дѣтства матеріалъ мышленія, убаюкиваетъ его преданіями, научаетъ его критикѣ, ставитъ передъ нимъ жизненные вопросы, вліяетъ на него обстановкой, словами и примѣрами окружающихъ личностей. Въ процессѣ сознанія этотъ матеріалъ перерабатывается въ новые вопросы науки и жизни, въ новые идеалы, и такимъ образомъ человѣкъ въ его единствѣ представляется результатомъ внѣшняго міра, исторіи и собственнаго сознанія" [2]). Это очень хорошая, хотя и недостаточно полная формулировка основной мысли Лаврова объ отношеніи личности къ внѣшнимъ вліяніямъ, отъ которыхъ она зависитъ въ своей жизни и въ своей дѣятельности. Природа и общество, съ одной стороны, и собственное со-

[1]) Тамъ же, стр. 56.
[2]) Тамъ же, стр. 67.

знаніе личности, съ другой, т. е. та лабораторія, въ которой происходитъ переработка внѣшнихъ вліяній въ новыя формы и совершается судъ надъ жизнью, не остающійся безъ вліянія на самую жизнь, разъ у личности является рѣшимость отъ мысли перейти къ дѣлу,—вотъ то внѣшнее и то внутреннее, безъ которыхъ нѣтъ историческаго процесса. Какъ бы ни были велики вліянія внѣшняго міра и исторіи въ жизни и дѣятельности отдѣльной личности, остается все-таки нѣчто, цѣликомъ не сводимое ни на то, ни на другое. Это нѣчто Лавровъ и обозначаетъ, какъ собственное сознаніе человѣка.

Это и есть все существенное, что̀ даютъ намъ по отношенію къ теоріи, личности съ соціологической точки зрѣнія первыя произведенія Лаврова. Для самой соціологіи въ той постановкѣ, какую эта теорія тогда у него получила, она и не могла дать большаго, но и въ данномъ видѣ она могла сдѣлаться прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ соображеній Лаврова о значеніи личнаго начала въ исторической жизни, — тема уже прямо соціологическаго характера. Извѣстно, что послѣдній вопросъ Лавровъ затронулъ въ своихъ, сдѣлавшихся знаменитыми, „Историческихъ Письмахъ“, которыя появились въ отдѣльномъ изданіи (подъ псевдонимомъ П. Миртова) въ 1870 г. Правда, господствующая мысль этого сочиненія не о томъ, какъ вообще совершается исторія и какова въ ней на самомъ дѣлѣ роль отдѣльныхъ личностей, а о томъ, какъ долженъ происходить историческій процессъ и что для этого требуется со стороны развитой личности, сознающей свой историческій долгъ, но это не мѣшаетъ „Историческимъ Письмамъ“ быть въ то же время и своего рода теоріей историческаго процесса съ обращеніемъ особаго вниманія на роль личности въ этомъ процессѣ.

„Историческія Письма“ написаны вообще съ той же точки зрѣнія касательно взаимныхъ отношеній личностей и общества, съ которою мы познакомились изъ „Очерковъ практической философіи“. Исходный пунктъ Лаврова и здѣсь индивидуалистическій, хотя рѣчь идетъ уже не о теоріи личности, а о теоріи исторіи. Правда, въ согласіи съ общимъ духомъ этого своего труда Лавровъ больше распространяется о томъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою должны находиться личность и общество, но по самому существу темы онъ не

могъ обходить вопросовъ, касающихся роли личности, какъ агента въ историческомъ процессѣ. Не разбирая „Историческихъ Писемъ“ въ ихъ цѣломъ, такъ какъ это завлекло бы насъ очень далеко, мы лишь слегка отмѣтимъ, какъ вообще понималъ въ нихъ Лавровъ желательное отношеніе между личностью и обществомъ, и остановимся нѣсколько подробнѣе на его взглядахъ относительно роли личности въ исторіи.

По первому пункту мы можемъ ограничиться слѣдующимъ разсужденіемъ Лаврова объ индивидуализмѣ, который, какъ извѣстно, у Луи Блана сдѣлался чуть ли не синонимомъ всякаго зла. „Индивидуализмъ, какъ его понимаетъ Луи Бланъ,—пишетъ по этому поводу Лавровъ,—былъ стремленіемъ *подчинить* общее благо личнымъ, эгоистическимъ интересамъ единицъ, также какъ общественность, съ его точки зрѣнія, склоняется къ *поглощенію* личности въ ея особенности интересами общества. Но личность лишь тогда подчиняетъ интересы общества своимъ собственнымъ интересамъ, когда смотритъ на общество и на себя, какъ на два начала, *одинаково реальныя* и соперничествующія въ своихъ интересахъ. Точно также поглощеніе личности обществомъ можетъ имѣть мѣсто лишь при представленіи, что общество можетъ достигнуть своихъ цѣлей не въ личностяхъ, а въ чемъ-то *иномъ*. И то, и другое — призракъ. Общество внѣ личностей не заключаетъ ничего реальнаго... Общественныя цѣли могутъ быть достигнуты исключительно въ личностяхъ. Поэтому *истинная общественная теорія требуетъ не подчиненія* общественнаго элемента личному и не *поглощенія* личности обществомъ, а *слитія общественныхъ и частныхъ интересовъ*... ...*Индивидуализмъ* на этой ступени становится осуществленіемъ общаго блага помощью личныхъ стремленій, но общее благо и не можетъ иначе осуществиться. *Общественность* становится реализированіемъ личныхъ цѣлей въ общественной жизни, но онѣ и не могутъ быть реализованы въ какой-либо другой средѣ“ [1]). Оставляя безъ всякихъ коментаріевъ мысль Лаврова о томъ, въ чемъ должны заключаться правильныя отношенія между личностью и обществомъ, остановимся лишь на томъ его соображеніи,

[1]) *П. Миртовъ*. Историческія письма. Спб. 1870. Стр. 79—80.

что общество, взятое внѣ личностей, его составляющихъ, не имѣетъ никакой реальности и потому можетъ считаться въ такомъ случаѣ только фикціей. При такомъ взглядѣ Лавровъ, конечно, не могъ разсматривать исторію, какъ процессъ безличный, стихійно совершающійся въ какой-то общественной средѣ, но безъ участія въ немъ самихъ людей. Впослѣдствіи Лавровъ особенно охотно останавливался на мысли о личномъ характерѣ исторіи и любилъ выражать ее на разные лады. „Безспорно,—писалъ онъ, напримѣръ, въ своемъ „Введеніи въ исторію мысли“ (1874), — безспорно, что реальны въ исторіи лишь личности, *лишь онѣ* желаютъ, стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, *совершаютъ исторію* [1])... Историческія событія *сами собою* не происходятъ. Что бы ни писали о духѣ времени, о неизбѣжномъ теченіи событій, увлекающемъ личностей, но въ концѣ концовъ все-таки дѣлаютъ исторію *личности*, духъ времени составляется изъ настроенія мысли *личностей*; потокъ событій, увлекающій однихъ, образуется другими, опять-таки *личностями*“ [2]).

Что касается именно этой самой роли личности въ исторіи, то, по мнѣнію Лаврова, общество въ массѣ, т. е. „большинство, можетъ развиваться лишь дѣйствіемъ на него болѣе развитаго меньшинства“, и „это,—прибавляетъ онъ,—есть, повидимому, законъ природы [3]). Съ другой стороны, само это меньшинство не все сразу приходитъ къ новой идеѣ, которая потомъ воплощается въ жизнь“. Сѣмя прогресса,—говорится въ „Историческихъ Письмахъ“,—есть идея, которая „зарождается въ мозгу личности, тамъ развивается, потомъ переходитъ изъ этого мозга въ мозги другихъ личностей, разрастается качественно въ увеличеніи умственнаго и нравственнаго достоинства этихъ личностей, количественно въ увеличеніи ихъ числа и становится общественною силою, когда эти личности сознаютъ свое единомысліе и рѣшаются на единодушное дѣйствіе“ [4]). Такимъ иниціаторомъ перемѣны и является въ разсматриваемомъ сочиненіи критически мыслящая личность, о которой намъ уже приходилось упоминать. Въ критически мыслящихъ личностяхъ, по Лаврову,

[1]) Введеніе въ исторію мысли, стр. 93.
[2]) Тамъ же, стр. 95.
[3]) Историческія письма, стр. 58.
[4]) Тамъ же, стр. 66.

вся сила историческаго процесса. „Обществу,—говоритъ онъ,—угрожаетъ опасность застоя, если оно заглушитъ въ себѣ критически мыслящія личности. Его цивилизаціи грозитъ гибель, если эта цивилизація, какова бы она ни была, сдѣлается исключительнымъ достояніемъ небольшого меньшинства. Слѣдовательно, какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что̀ есть, лежитъ исключительно на критически мыслящихъ личностяхъ: безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ“ [1]).

Въ этихъ выдержкахъ заключается все теоретическое зерно „Историческихъ Писемъ“: критически мыслящей личности принадлежитъ инициатива, которую подхватываетъ болѣе интеллигентное меньшинство, и которая лишь послѣ всего увлекаетъ пассивную массу. Формулируя такую идею, Лавровъ, конечно, предвидѣлъ, что очень многіе съ нею никоимъ образомъ не согласятся. „Какъ! личность! одинокая, ничтожная, безсильная личность думаетъ критически относиться къ общественнымъ формамъ, выработанныхъ исторіею народовъ, исторіею человѣчества!“ [2]). Это и преступно, это и вредно, это и безсмысленно, это и безумно, — „безумно потому, что личность безсильна передъ обществомъ и его исторіею“ [3]). Да,—возражаетъ Лавровъ,—„передъ общественными формами личность, дѣйствительно, безсильна, однако, борьба ея противъ нихъ безумна лишь тогда, когда она силою сдѣлаться не можетъ. Но исторія доказываетъ, что это *возможно* и что даже это *единственный* путь, которымъ осуществляется прогрессъ исторіи“ [4]). Дѣло въ томъ, что критически мыслящая личность не бываетъ одинокою, что ея мысль распространяется въ обществѣ, что единомышленники сплачиваются для общаго дѣйствія. Въ другомъ мѣстѣ намъ уже пришлось высказать свое мнѣніе о такомъ пониманіи Лавровымъ роли личности въ исторіи [5]). Въ немъ мы находимъ прежде всего преобладаніе деонтологическаго отношенія къ исторіи надъ чисто теоретическимъ, или субъек-

[1]) Тамъ же, стр. 65.
[2]) Тамъ же, стр. 97.
[3]) Тамъ же, стр. 98.
[4]) Тамъ же, стр. 106.
[5]) См. нашу книгу „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“ (Спб., 1890), стр. 79 и слѣд.

тивнаго надъ объективнымъ. Это явствуетъ между прочимъ изъ того, что разъ „всякій человѣкъ, критически мыслящій и рѣшающійся воплотить свою мысль въ жизнь, можетъ быть названъ дѣятелемъ прогресса“ по преимуществу [1]), то въ сравненіи съ такими людьми, хотя бы они не совершили ни одного яркаго дѣла, „по историческому значенію оказываются ничтожными величайшіе историческіе дѣятели“ [2]). Съ другой стороны, анализируя „Историческія Письма“ въ ихъ чисто обективномъ пониманіи процесса исторіи, мы нашли, что въ нихъ авторъ стоитъ въ общемъ на односторонней точкѣ зрѣнія XVIII в., діаметрально противоположной односторонему же эволюціонизму XIX в., понимающему исторію, какъ процессъ совершенно стихійный и безличный. Впрочемъ, и по мысли автора „Историческія Письма“ должны были быть не столько научной теоріей историческаго процесса, сколько деонтологической проповѣдью на тему, какъ должна вести себя критически мыслящая личность, рѣшившаяся стать дѣятельницей прогресса. Несмотря, однако, на такую постановку вопроса о сущности историческаго процесса и о роли въ немъ личности, Лавровъ не могъ совсѣмъ обойтись безъ извѣстнаго объективнаго пониманія самаго, если можно такъ выразиться, механизма исторіи и того значенія, какое въ ея процессѣ принадлежитъ реальнымъ силамъ самой общественной среды. Правда, говорится объ этомъ въ „Историческихъ Письмахъ“ сравнительно очень немного, но и это немногое весьма важно, такъ какъ это былъ первый набросокъ теоріи, которую впослѣдствіи Лавровъ развилъ въ цѣломъ рядѣ уже чисто объективныхъ изслѣдованій историческаго процесса.

Выше мы уже приводили соображенія Лаврова, касающіяся двойственности явленій человѣческой жизни и вытекающаго отсюда различенія въ ней личнаго и общественнаго элементовъ [3]). Хотя, по его представленію, личность и обусловливается окружающимъ обществомъ [4]), но внутри ея происходитъ самостоятельная переработка воспринятыхъ извнѣ впечатлѣній [5]), дѣлающаяся источникомъ измѣняющей

[1]) Историческія письма, стр. 77.
[2]) Тамъ же, стр. 67.
[3]) См. выше, стр. 9.
[4]) См. выше. стр. 23.
[5]) Историческія письма, стр. 91.

общественныя формы дѣятельности личности. Въ сущности, Лавровъ понималъ историческій процессъ, какъ взаимодѣйствіе личности и общественной среды. Именно эта мысль и заключается въ слѣдующей формулѣ „Историческихъ Писемъ“: „Исторія мысли, обусловленной культурою, въ связи съ исторіей культуры, измѣняющейся подъ вліяніемъ мысли— вотъ вся исторія цивилизаціи“. Лучшимъ поясненіемъ содержащейся въ этихъ словахъ идеи о взаимодѣйствіи культуры и мысли могутъ служить слѣдующія немногія строки, встрѣчающіяся въ тѣхъ же „Историческихъ Письмахъ“: „Мысль реальна лишь въ личности, культура—реальна въ общественныхъ формахъ; слѣдовательно, личность остается со своими силами и со своими требованіями лицомъ къ лицу съ общественными формами“ [1]). Значитъ, мысль, о которой идетъ рѣчь въ первой формулѣ Лаврова, это — личный элементъ исторіи, культура—элементъ общественный, и взаимодѣйствіе личности и культуры сводится къ взаимодѣйствію личности и общественныхъ формъ, иначе—всей общественной среды. Это ученіе Лаврова о совершающемся въ исторіи взаимодѣйствіи личности съ общественною средою представляется намъ синтезомъ, въ которомъ онъ примирилъ діаметрально противоположныя идеи объ исключительно личномъ и совершенно безличномъ характерѣ историческаго процесса. Индивидуалистическая точка зрѣнія, выдвинутая XVIII вѣкомъ и до извѣстной степени поддержанная лѣвымъ гегельянствомъ, господствовала въ мышленіи Лаврова, пока преобладающій интересъ сосредоточивался на вопросѣ, какъ должна вести себя личность въ качествѣ дѣятеля исторіи. На этой точкѣ зрѣнія Лавровъ стоялъ такъ твердо, что для него совершенно сдѣлалось невозможнымъ усвоеніе противоположнаго взгляда, въ которомъ на первый планъ была выдвинута органическая, эволюціонная, стихійная и какъ тамъ еще ее ни называли, словомъ, безличная сторона исторіи. Впервые въ развитіи соціологическихъ взглядовъ съ этою идеей, устраняющею понятіе личности, какъ дѣятеля, изъ всякихъ историологическихъ соображеній, мы встрѣчаемся въ началѣ XIX в. у французскихъ реакціонныхъ политическихъ мыслителей и у родоначальниковъ такъ называемой нѣмецкой исторической школы права; послѣднею же доктри-

[1]) Тамъ же стр. 93.

ною, взявшею на себя защиту этой точки зрѣнія на исторію является экономическій матеріализмъ, особенно въ его русской обработкѣ [1]), что указываетъ на независимость разсматриваемаго взгляда отъ реакціонности или прогрессивности тѣхъ или другихъ политическихъ убѣжденій, съ нимъ связанныхъ. Это ученіе оказало важную услугу наукѣ, обнаруживъ всю несостоятельность взгляда, по которому общественныя формы суть будто бы только продукты сознанія и воли отдѣльныхъ личностей, и Лавровъ не могъ, конечно, не видѣть всей ненаучностн прежняго взгляда. Но, съ другой стороны, онъ не могъ не видѣть односторонности тѣхъ выводовъ, которые дѣлались изъ отрицательнаго отношенія къ объясненію исторіи личнымъ произволомъ ея дѣятелей, и прежде всего его мысль не могла мириться съ пониманіемъ историческаго прогресса, какъ безсознательной эволюціи, не требующей никакихъ личныхъ усилій [2]). Вся исторія, особенно исторія послѣднихъ столѣтій, которую Лавровъ превосходно зналъ, свидѣтельствовала о противномъ, и принятію другого односторонняго взгляда мѣшала ему его широкая философская подготовка, во время которой онъ особенно углублялся въ вопросы психологіи, этики и гносеологіи, однимъ словомъ, въ научную теорію личности. „Историческія Письма“ Лаврова имѣли слишкомъ спеціальную задачу для того, чтобы въ нихъ мы могли искать полнаго изложенія его взглядовъ относительно того, какъ вообще совершается исторія и какъ въ ея процессѣ распредѣляются движущія и задерживающія силы между личнымъ и общественнымъ элементами, но это было имъ сдѣлано въ послѣдующихъ работахъ.

„Историческими Письмами“ какъ бы заканчивается тотъ періодъ въ литературной дѣятельности Лаврова, на который мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на прямой результатъ его прежней гегельянской подготовки. Съ конца шестидесятыхъ годовъ Лавровъ вступаетъ въ кругъ вопросовъ и идей, вы-

---

[1]) См. мои книги: „Введеніе въ изученіе соціологіи“ (Спб. 1897) и „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ (Спб. 1896).

[2]) О двухъ разныхъ пониманіяхъ прогресса см. въ нашей статьѣ „Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи“ въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“ (Спб. 1899).

двинутыхъ позитивизмомъ Огюста Конта и эволюціонизмомъ Дарвина и Спенсера, и отъ чисто абстрактныхъ разсужденій на философскія темы обращается къ изслѣдованію конкретныхъ явленій жизни на основаніи данныхъ положительной науки. Это не значитъ, чтобы онъ, такъ сказать, перемѣнилъ фронтъ и совсѣмъ оставилъ философію. Наоборотъ, философская подготовка помогла ему самостоятельно отнестись къ новымъ проблемамъ теоретической мысли и къ новымъ отвѣтамъ на старые вопросы. Мало того: вступивъ въ кругъ вопросовъ, прежде не привлекавшихъ къ себѣ его вниманія, и вооружившись знаніями, раньше не игравшими никакой роли въ его построеніяхъ, онъ самъ началъ возбуждать новые вопросы и давать на нихъ совершенно оригинальные отвѣты, сдѣлавшись однимъ изъ первыхъ соціологовъ въ эпоху расцвѣта этой молодой науки. Оцѣнка всей дѣятельности Лаврова, какъ соціолога, впрочемъ, не входитъ въ нашу задачу, и мы прослѣдимъ только, какія видоизмѣненія испытала на себѣ его теорія личности въ этотъ второй періодъ его дѣятельности.

Вопросъ о личности въ связи съ вопросомъ о прогрессѣ, хоть и въ иной постановкѣ, нежели въ „Историческихъ Письмахъ“ Лаврова, былъ поднятъ почти одновременно Н. К. Михайловскимъ въ статьѣ „Что такое прогресъ“, напечатанной въ „Отечественныхъ Записках“ за 1869 г. Это была критика теоріи прогресса Спенсера, въ которой были высказаны мысли, сходныя со взглядами другой критической статьи, появившейся въ „Женскомъ Вѣстникѣ“ за 1867 г. и принадлежавшей перу Лаврова. Въ 1870 г. Лавровъ подвергъ положительную сторону разсужденій начинающаго соціолога обстоятельному разбору въ статьѣ „Формула прогресса г. Михайловскаго“, помѣщенной въ „Отечественныхъ же Записках“. Формула автора, критикуемаго въ статьѣ, была такова: „Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣльности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми“. Рѣчь шла такимъ образомъ о человѣческой индивидуальности, причемъ почвою, на которой долженъ былъ рѣшаться вопросъ, сдѣлалась органическая теорія общества, состоящая въ примѣненіи біологической аналогіи къ общественному существованію чело-

вѣка. Лавровъ, уже раньше заинтересовавшійся органицистическимъ ученіемъ Спенсера съ точки зрѣнія теоріи личности, не могъ обойти молчаніемъ соціологическую работу, которая тоже вызывалась интересомъ къ ученію Спенсера съ индивидуалистической точки зрѣнія. Разбирая формулу прогресса, выставленную Михайловскимъ противъ Спенсера, который превращалъ человѣческую личность въ простой служебный органъ общественнаго организма, Лавровъ, конечно, и самъ долженъ былъ выдвинуть на первый планъ интересы личности, т.-е. ея свободу и равноправность съ другими личностями въ обществѣ, за которые ратовалъ и самъ авторъ статьи. Сущность его замѣчаній сводилась къ слѣдующему. Природныя условія существованія человѣка дѣлаютъ немыслимыми ни полное равенство особей, ни всестороннее развитіе отдѣльной личности, которыхъ требуетъ формула прогресса Михайловскаго: „Невозможности, противопоставляемыя природою полному равенству особей, заключаются въ различіи пола и возраста. Невозможности, противопоставляемыя ею же всестороннему развитію отдѣльной личности, заключаются въ краткости человѣческой жизни“. Если при этихъ условіяхъ усвоеніе личностью полнаго знанія всѣхъ наукъ невозможно, а безусловленная нравственность и справедливость требуютъ возможнаго приближенія къ равенству дѣятельности индивидуумовъ, то, безъ сомнѣнія, идеалъ равенства долженъ быть достигнуть всѣми возможными средствами, даже съ ограниченіемъ успѣховъ знанія и техники, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего будетъ устраненіе нѣкоторыхъ отраслей знанія и техники, а это было бы регрессомъ. Но допустимъ,—продолжаетъ Лавровъ,—допустимъ такое состояніе общества, въ которомъ раздѣленіе труда ограничено лишь отдѣленіемъ воспитываемыхъ дѣтей и старцевъ, требующихъ заботъ отъ взрослыхъ энциклопедистовъ науки и техники, въ которомъ всякая личность, постоянно увѣрена, что она не можетъ и не должна обратиться къ теоретической и практической дѣятельности, которая отличила бы ее отъ другихъ [1]). Тогда, —спрашиваетъ Лавровъ,—какъ будетъ совершаться прогрессъ? Результатомъ было бы атрофированіе критической мысли, и ея работу замѣнили

[1]) Отеч. Зап., 1870, февраль, стр. 234. (Есть въ отдѣльномъ изданіи 1906 г.).

бы преданія, какъ въ Китаѣ [1]). Съ другой стороны, „возможно полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами“, котораго требуетъ Михайловскій, ограничивается неустранимымъ *различіемъ* индивидуумовъ при рожденіи и стремленіемъ современной педагогіи не къ нивеллированію личностей, а къ развитію *сообразно ихъ способностямъ и особенностямъ*, что не унижаетъ общаго человѣческаго достоинства. Во всѣхъ спеціализующихъ качествахъ человѣкъ находитъ удовольствіе именно потому, что онъ въ нихъ спеціалистъ, и общество доставляетъ человѣку удовольствіе, а себѣ пользу, ставя своего члена въ такое положеніе, гдѣ бы онъ могъ вполнѣ развить свои спеціальныя особенности, наилучшимъ образомъ приложить ихъ [2]). Одно только: эта спеціализація не должна вредить и препятствовать развитію того, что Лавровъ обозначаетъ, какъ „общечеловѣческія способности“. Поэтому вторую половину формулы Михайловскаго онъ совѣтовалъ измѣнить, поставивъ идеальнымъ требованіемъ „не возможно меньшее“, а „справедливѣйшее раздѣленіе труда между людьми“ [3]).

Вообще, Лавровъ былъ противникомъ органической теоріи общества, при томъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, среди которыхъ видную роль игралъ и его принципъ личности. Онъ не занимался вплотную, какъ Михайловскій, критической разработкой этого ученія, оказавшаго вообще большое вліяніе на соціологическое мышленіе Михайловскаго, и біологическія соображенія, которыя Лавровъ въ семидесятыхъ годахъ сталъ вносить въ свои соціологическія изслѣдованія, шли изъ другого источника, — не изъ органической теоріи общества, пользовавшейся біологической аналогіей, а изъ дарвинизма. Какъ соціолога, постоянно интересовавшагося теоріей личности, Лаврова особенно привлекалъ вопросъ о развитіи въ животной особи—индивидуальности съ высшими ея духовными проявленіями, находящими свое завершеніе въ критически мыслящей личности. Далѣе, какъ соціологъ, ставившій свою науку на широкую основу біологіи и антропологіи, Лавровъ не могъ не заинтересоваться вопросомъ объ эволюціи общества отъ первыхъ его зачатковъ въ жи-

[1]) Тамъ же, стр. 235.
[2]) Тамъ же, стр. 250.
[3]) Тамъ же, стр. 252.

вотномъ мірѣ и самыхъ раннихъ общественныхъ организацій у дикаго еще человѣка до современной цивилизаціи, а такъ какъ и при изслѣдованіи этого вопроса его не покидала мысль о теоріи личности, то, разсматривая и эволюцію общества, онъ неуклонно слѣдилъ за тѣмъ, какъ постепенно развивались взаимныя отношенія отдѣльной особи и окружающаго ее общества и какъ происходило постепенное выдѣленіе индивидуальной самобытности изъ всеуравнивающей соціальной среды. Въ первый періодъ своей дѣятельности Лавровъ пользовался понятіемъ личности, сложившимся на почвѣ наблюденій изъ міра высшихъ проявленій человѣческаго духа на поприщахъ знанія и творчества. Я сказалъ бы даже, что свою критически мыслящую личность онъ списывалъ съ самого себя и съ тѣхъ мыслителей и дѣятелей, которые стояли на одной съ нимъ ступени умственнаго развитія. Теперь предстояло объяснить, какъ вобще сдѣлалась возможною человѣческая личность, т. е. не только какъ произошло выдѣленіе человѣка изъ зоологическаго міра, но какъ человѣческая особь доразвилась до способности быть личностью и выдѣлиться въ самостоятельную психическую единицу изъ однородной общественной среды. Эти два вопроса придаютъ особый интересъ цѣлому ряду большихъ, серьезно задуманныхъ и съ замѣчательной эрудиціей выполненныхъ работъ, въ которыхъ Лавровъ обобщалъ научный матеріалъ довольно разнообразныхъ категорій — зоологическій и антропологическій, этнографическій и историческій, давая ему философскую, психологическую и соціологическую обработку. Въ новый синтезъ семидесятыхъ годовъ вошло и то, что утвердилось въ мысли Лаврова въ шестидесятыхъ годахъ по вопросу о прирожденныхъ свойствахъ человѣческой личности, объ основныхъ ея стремленіяхъ, о переработкѣ и развитіи этихъ стремленій подъ вліяніемъ жизни, о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества, о роли личнаго начала въ историческомъ прогрессѣ и т. д. Въ первыхъ трудахъ Лаврова личность выступала на сцену скорѣе, какъ идеалъ, долженствующій служить путеводною звѣздою въ жизни, но теперь предстояло объяснить, какимъ образомъ вообще сдѣлались возможными реальныя явленія, отъ которыхъ былъ отвлеченъ этотъ идеалъ, т. е. идеалъ личности, самостоятельно мыслящей и самостоятельно дѣйствующей въ жизни. Оговоримся, что въ міросозерцаніи

Лаврова эта самостоятельность вовсе не значила, чтобы надъ личностью не было никакого закона, чтобы дѣйствія ея не подчинялись закономѣрной причинности, а чтобы ей все было доступно. Придавая въ своей этикѣ большое значеніе сознанію свободы воли, Лавровъ, конечно, отрицалъ существованіе свободы внѣ сознающаго субъекта, т. е. былъ послѣдовательнымъ детерминистомъ, но въ то же время онъ приписывалъ громадное значеніе и способности личности дѣйствовать по своимъ внутреннимъ побужденіямъ, хотя бы и обусловленнымъ во всѣхъ своихъ элементахъ и сторонахъ, т. е. способности самостоятельно перерабатывать внутри себя идущія извнѣ вліянія. Сама эта способность была въ его глазахъ продуктомъ эволюціи, въ которой все совершалось съ закономѣрностью, въ силу разнообразнаго и сложнаго сочетанія совершенно реальныхъ, естественныхъ причинъ. Такія работы Лаврова, какъ „До человѣка“, „Цивилизація и дикія племена“, „Современныя ученія о нравственности и ея исторія“ и т. п. могутъ разсматриваться, какъ своего рода Bausteine, пользуясь нѣмецкимъ выраженіемъ, для цѣлой генетической теоріи личности и именно теоріи генетической, объясняющей, какъ стала личность тѣмъ, чѣмъ она является на высшихъ ступеняхъ своего развитія въ человѣческомъ мірѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывающей, при какихъ условіяхъ тотъ идеалъ личности, который выростаетъ на почвѣ развитого самосознанія, можетъ быть осуществленъ въ жизни. Это—центральный пунктъ всей философіи Лаврова. Любопытно, что и главную свою работу, которая такъ-таки и осталась неоконченною, онъ посвятилъ исторіи мысли, той самой человѣческой мысли, въ которой видѣлъ и главный результатъ и главное орудіе развитія личности.

Въ своей книгѣ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“ [1]), составляющей третій томъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, я уже разсматривалъ взгляды Лаврова на роль личности въ исторіи, высказанные имъ въ такихъ его работахъ, какъ „Цивилизація и дикія племена“ [2]), „Научныя основы исторіи цивизаціи“ и „Введеніе въ исторію мысли“ [3]). Эти и другія статьи

[1]) Стр. 84—91.

[2]) „Отеч. Зап.“ за 1869 г.; нынѣ переиздана отдѣльно.

[3]) Обѣ послѣднія работы были напечатаны въ журн. „Знаніе“ за 1872 и 1873 гг.; первая изъ нихъ переиздана отдѣльно (1906).

*

Лаврова и раньше цитировались мною въ первыхъ двухъ томахъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, взгляды которыхъ вообще по многимъ частнымъ пунктамъ отразили въ себѣ вліяніе идей Лаврова. Составляя эту статью, я снова пересмотрѣлъ упомянутыя работы Лаврова и перечиталъ, что было о нихъ написано въ моей книгѣ о „Сущности историческаго процесса“, и считаю нужнымъ все существенное повторить и здѣсь, дополнивъ изложеніе указаніями, заимствованными изъ незатронутой тамъ работы „До человѣка“, которая была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1870 г.

Эта послѣдняя статья имѣетъ своимъ предметомъ, между прочимъ, психическую и соціальную эволюцію въ зоологическомъ мірѣ, постепенно подготовившую человѣка (откуда и самое заглавіе статьи), причемъ автора особенно интересуетъ вопросъ о „началѣ работы мысли“. Сравнивая жизнь безпозвоночныхъ и низшихъ разрядовъ позвоночныхъ животныхъ, съ одной стороны, и высшихъ разрядовъ позвоночныхъ, т. е. птицъ и млекопитающихъ, съ другой, Лавровъ пришелъ къ той мысли, что между тѣми и другими существуетъ въ одномъ важномъ отношеніи большая разница. Если вообще во всемъ животномъ мірѣ наблюдается господство инстинктовъ, въ смыслѣ „видовыхъ и родовыхъ обычаевъ“, или „унаслѣдованныхъ органическихъ наклонностей и привычекъ“ [1]), то въ частности у птицъ и млекопитающихъ обнаруживаются уже нѣкоторыя новыя черты, которыя отличаютъ ихъ даже отъ самыхъ развитыхъ безпозвоночныхъ, въ родѣ пчелъ. Эти особенности Лавровъ сводилъ, во-первыхъ, къ „индивидуальной разницѣ въ степени подчиненія инстинктамъ“, во-вторыхъ, къ возможности пріученія, выучки, воспитанія, въ-третьихъ, къ особенности временно соединяться въ большомъ числѣ особей для достиженія опредѣленныхъ цѣлей и „выбирать одну особь изъ многихъ подобныхъ“ при устройствѣ своей семейной жизни [2]). Всѣ эти процессы,—говоритъ Лавровъ,—показываютъ въ позвоночныхъ психическіе процессы, уже не количественно, а качественно различающіеся отъ того, что видимъ въ безпозвоночныхъ... Въ спинно-головномъ мозгу позвоночныхъ слѣдуетъ, вѣроятно,

[1]) „Отеч. Зап.“, стр. 68.
[2]) Тамъ же, стр. 79—80.

искать источникъ той дѣятельности *личной мысли*, которую мы замѣчаемъ въ высшихъ группахъ позвоночныхъ“ [1]). Не приводя здѣсь фактовъ, изъ которыхъ Лавровъ дѣлалъ такой общій выводъ, мы позволимъ себѣ сосредоточить вниманіе читателя именно только на этомъ общемъ выводѣ, который формулируется самимъ авторомъ „До человѣка“ въ такихъ словахъ: „*Работа мысли*—вотъ ступень, достигаемая млекопитающими въ психическомъ развитіи организмовъ“ [2]). Понятно, что въ этомъ изслѣдованіи до-человѣческой эволюціи Лавровъ долженъ былъ съ особымъ интересомъ остановиться на разрядѣ человѣкообразныхъ. Касаясь вопроса о психическомъ развитіи обезьянъ, онъ находилъ прежде всего, что достигнутая ими ступень была недостаточно оцѣнена самыми безпристрастными зоологами. Послѣдніе невольно становились на точку зрѣнія пользы или вреда, приносимыхъ тѣми или другими животными человѣку, а съ этой точки зрѣнія быть благосклонными къ обезьянамъ оказывалось труднымъ. Но „если внимательно взвѣсить вины обезьянъ, то эти самыя вины доказываютъ лишь психическую высоту этихъ животныхъ“ [3]). Въ укоръ имъ ставятъ какъ-разъ то, что возвышаетъ обезьяну надъ другими млекопитающими и что приближаетъ ее къ человѣку, но „не дозволяетъ ей быть безсмысленнымъ рабомъ его, покорною игрушкою его прихоти“ [4]). Общая характеристика психическаго склада обезьянъ, которою оканчивается статья „До человѣка“, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ всей этой работы, но здѣсь Лавровъ еще очень мало останавливается на томъ, что можно, пожалуй, назвать индивидуализмомъ обезьянъ. Эта тема была развита имъ гораздо подробнѣе въ статьѣ „Цивилизація и дикія племена“.

Въ только что названной работѣ есть цѣлыя главы, посвященныя соціальной жизни животныхъ [5]), имѣющія, на нашъ взглядъ, большую важность и въ общей разработкѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 81.
[2]) Тамъ же, стр. 84.
[3]) Тамъ же, стр. 90.
[4]) Тамъ же, стр. 91.
[5]) 5. Происхожденіе общественной связи у животныхъ.—6. Культура животныхъ.—14. Общественный элементъ безпозвоночныхъ.—16. Общественный элементъ позвоночныхъ.

этого предмета [1]). Въ частности Лавровъ остановился здѣсь на вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между особью и соціальнымъ цѣлымъ, въ родѣ пчелинаго роя или обезьяньяго стада. Общежитія безпозвоночныхъ онъ характеризуетъ господствомъ въ нихъ „строгаго преданія и неумолимой привычки уже въ удовлетвореніи потребностей", отсутствіемъ даже „самомалѣйшаго протеста" [2]). Разъ новая особь является на свѣтъ въ извѣстной общественной средѣ, то самое существованіе послѣдней уже предполагаетъ, что она, среда эта, представляетъ все нужное для самаго существованія данной особи, которой потому и останется лишь пользоваться услугами общественнаго быта, передавая его неизмѣннымъ новымъ особямъ [3]). Правда, и пчелы, и муравьи должны были измѣнить свои привычки (безъ этого онѣ и не выработались бы и не достигли бы современнаго состоянія), но „тѣ немногіе случаи, которые были наблюдаемы въ этой сферѣ явленій, указываютъ не на борьбу одной или нѣсколькихъ особей съ общественнымъ строемъ", а на дѣйствіе общихъ причинъ, лежащихъ въ измѣненіи условій существованія [4]). Наоборотъ, въ общежитіяхъ позвоночныхъ обнаруживается уже „господство индивидуальнаго побужденія надъ общественнымъ строемъ, надъ обычаемъ", т.-е. позвоночныя животныя относятся къ общественной жизни какъ къ средству, не отдавая ей себя совсѣмъ, какъ это наблюдается у муравьевъ и пчелъ [5]). Въ этомъ и связанныхъ съ этимъ явленіяхъ выбора и уклоненія отъ данной нормы Лавровъ видитъ положительное „умственное преимущество позвоночныхъ". „Личная мысль,—прибавляетъ онъ,—и ея вліяніе на измѣненіе обычая—вотъ важный элементъ общественности, появляющійся среди позвоночныхъ" [6]).

---

[1]) Въ книгѣ „Введеніе въ соціологію" (стр. 78—79) мы указали, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается научное достоинство этой статьи.

[2]) Отеч. Зап., стр. 296.

[3]) Тамъ же, стр. 297.

[4]) Тамъ же, стр. 300.

[5]) Тамъ же, стр. 301.

[6]) Тамъ же, стр. 302. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: въ обществахъ безпозвоночныхъ „особи еще не личности, а потому общежительный законъ не допускаетъ исключеній и не можетъ ихъ допустить". „До человѣка", стр. 74.

Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго Лавровымъ сравненія между людскими и животными общежитіями вытекаетъ, что и въ тѣхъ, и въ другихъ можетъ царить рутинность, но чѣмъ выше стоитъ особь на лѣстницѣ органическаго развитія, тѣмъ менѣе она способна подчиниться безусловному господству рутины. „Когда однажды,— говоритъ онъ,—новое существо является въ жизнь, въ общество опредѣленнаго строя, уже самое существованіе среды, въ которой это существо явилось, предполагаетъ, что есть средства удовлетворить потребностямъ его организаціи, что есть преданіе для ихъ удовлетворенія, что ему могутъ сообщить рутинную технику, назначенную для этой цѣли, и что новое существо найдетъ цѣлую систему привычныхъ потребностей, привычныхъ соображеній, привычныхъ пріемовъ жизни, привычнаго общественнаго строя. Сдѣлавшись органомъ этого строя, это существо будетъ передавать всю эту привычную систему новымъ существамъ, и ничто не мѣшаетъ подобнымъ процессамъ повторяться неопредѣленно длинное количество времени, переходя отъ одного поколѣнія къ другому". Это соображеніе,— продолжаетъ онъ,—„совершенно одинаково приложимо къ государству насѣкомыхъ, какъ и къ бѣдной жизни какого-нибудь племени островитянъ или къ разнообразнымъ явленіямъ жизни государства, имѣющаго сложное законодательство, обширную промышленность, великолѣпное богослуженіе, даже обширную литературу [1]). Такимъ образомъ, и въ человѣческой цивилизаціи есть элементы, допускающіе окоченѣніе. „Формы общественной жизни,—говоритъ еще Лавровъ,—насколько онѣ получаются по преданію и передаются по привычкѣ, отличаются отъ строя животной жизни лишь по сложности, а не по существеннымъ признакамъ. Человѣческій муравейникъ можетъ обладать администраціей, законодательствомъ, промышленностью, искусствомъ, религіей, даже въ извѣстной степени наукою и оставаться не болѣе, какъ человѣческимъ муравейникомъ". Къ счастью, однако, „до сихъ поръ не встрѣчалось въ обществахъ, достигшихъ извѣстной степени развитія, примѣровъ полнаго и окончательнаго застоя". „Какія старанія,—прибавляетъ Лавровъ,—ни употребляли, чтобы упрочить человѣческій муравейникъ того или другого

[1]) Отеч. Зап., стр. 297.

развитія, они не удавались", и причина этого, по его мнѣнію, въ сущности, всегда бывала одна и та же, именно „протестъ личности во имя новыхъ потребностей, сдѣлавшихся для этой личности столь побудительною силою, что эта сила превозмогла силу привычки и преданія и заставила личность возстать противъ строя, еще не вызывавшаго протеста со стороны другихъ личностей" [1]). Такой индивидуальный протестъ, совершенно немыслимый, какъ полагаетъ Лавровъ, у безпозвоночныхъ, появляется впервые въ обществѣ позвоночныхъ животныхъ съ болѣе развитою индивидуальностью. Общій выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ сопоставленія общественности безпозвоночныхъ и позвоночныхъ животныхъ,—тотъ, что человѣкъ „отъ ряда млекопитающихъ, бывшихъ до него, получилъ въ наслѣдство не только возможность жить въ данныхъ формахъ общества, а еще способность *лично* приноравливаться къ обстановкѣ, пользоваться *лично* болѣе или менѣе выгоднымъ положеніемъ для достиженія себѣ бо́льшихъ благъ, для поставленія себя въ выгоднѣйшее положеніе, относительно своихъ собратій". Человѣкъ „живетъ въ обществѣ подобно муравьямъ и пчеламъ, онъ готовъ, подобно позвоночнымъ, каждую минуту выйти изъ условій этого общества, если ему это лучше; онъ можетъ уклониться отъ обычая, лицемѣрить и употреблять обычаи, не какъ священный законъ, а какъ щитъ для своихъ цѣлей, и, подчиняясь обычаю, онъ можетъ это дѣлать потому, что онъ лично, какъ особь, вѣритъ въ высокое значеніе обычая, или потому, что онъ сознаётъ свое безсиліе противиться обычаю. Опять-таки онъ можетъ это сдѣлать, но въ дѣйствительности достигаютъ этого лишь немногіе. Другіе живутъ въ данныхъ формахъ, но не обсуждая ихъ подобно муравьямъ. Спасеніе человѣческихъ обществъ-отъ застоя,—продолжаетъ Лавровъ,—заключается именно въ томъ, что въ нихъ есть всегда первые. Эти дерзкіе критики существующаго, эти лицемѣры, относящіеся съ тайнымъ эгоистическимъ расчетомъ къ священному обычаю, эти львы, идущіе за другими не потому, что и тѣ идутъ, а потому, что имъ лично видна цѣль въ этомъ направленіи,—это люди мысли, работники прогресса или реакціи, но во всякомъ случаѣ враги обычая. Они мѣшаютъ другимъ оста-

[1]) Тамъ же, стр. 299.

навливаться навсегда на той или другой степени общественнаго развитія и хранятъ ихъ традицію позвоночныхъ животныхъ среди общества, готоваго опуститься на ступень безпозвочныхъ“ [1]). Лавровъ даже классифицируетъ отдѣльныя особи, входящія въ составъ общества, по степени ихъ самостоятельности въ отношеніи культурно-соціальныхъ формъ. Беря современное европейское общество, а въ немъ прежде всего меньшинство, поставленное въ наивыгоднѣйшее отношеніе, онъ въ немъ, этомъ меньшинствѣ, различалъ три группы личностей. Это, во-первыхъ, немногіе *дѣятели* цивилизаціи съ болѣе или менѣе основательнымъ взглядомъ на общественныя задачи. Далѣе, это—*участники* въ цивилизаціи меньшинства, живущіе мыслью первой группы, повторяющіе ихъ слова, дѣйствующіе по ихъ указанію, составляющіе ихъ самую прочную поддержку—въ смыслѣ ли защиты существующихъ порядковъ или нападенія на нихъ. Наконецъ третью и самую притомъ многочисленную категорію составляютъ личности, пользующіяся не менѣе другихъ (а пожалуй, и болѣе) всѣми ощутимыми выгодами современной общественной жизни, но не участвующія въ ея движеніи: онѣ, такъ сказать, лишь *присутствуютъ* при цивилизаціи [2]). Тѣ же три группы Лавровъ различалъ и въ томъ классѣ общества, который не пользуется совсѣмъ или не пользуется въ равной мѣрѣ благами современной цивилизаціи [3]). Это же подраздѣленіе,—говоритъ онъ еще,—повторяется вездѣ, гдѣ только существуетъ человѣческое общество,—и въ предыдущіе періоды развитія высшихъ расъ, и въ современномъ быту низшихъ [4]). „Собственно дѣятелями“ онъ считаетъ возможнымъ „назвать очень немногихъ“, и именно „ихъ разнообразные процессы мысли, лежащіе въ основѣ ихъ стремленій, составляютъ, по его словамъ, въ сущности, всю движущую силу современнаго цивилизованнаго меньшинства“. Наоборотъ, тѣ, которые „лишь присутствуютъ при европейской цивилизаціи“, только „получили по наслѣдству нѣкоторыя формы жизни и привычки и сохранятъ ихъ подобно тому, какъ австраліецъ до конца жизни сохранитъ обычаи и привычки семьи, въ которой ро-

[1]) Тамъ же, стр. 307.
[2]) Тамъ же, стр. 292—293.
[3]) Тамъ же, стр. 295.
[4]) Тамъ же, стр. 296.

дился, какъ муравей сохранитъ тотъ или другой строй унаслѣдованнаго имъ муравейника“ [1]).

Тѣ же основныя мысли свои на роль личнаго начала повторялъ Лавровъ и въ другихъ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ семидесятыхъ годахъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Знаніи“. Во второмъ изъ этихъ журналовъ онъ помѣстилъ въ 1873 г. свое „Введеніе въ исторію мысли“, вышедшее въ свѣтъ и отдѣльной книгой. Это было, дѣйствительно, введеніе, за которымъ должна была слѣдовать и самая исторія мысли, громадный трудъ, печатавшійся въ восьмидесятыхъ годахъ за границею и при жизни автора оставшійся неоконченнымъ. Только незадолго до смерти Лавровъ успѣлъ изложить основныя идеи этого своего труда въ небольшой книжкѣ, вышедшей въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Задачи пониманія исторіи“, причемъ авторъ выступилъ здѣсь подъ псевдонимомъ Арнольди [2]). Эта книжка, о которой я уже имѣлъ случай довольно подробно говорить въ печати [3]), можетъ разсматриваться, какъ послѣдняя формулировка идеи Лаврова, касающейся роли личнаго начала въ общественной жизни и въ историческомъ процессѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 292—293. Въ той же статьѣ Лавровъ приводитъ большую выдержку изъ „Исторіи цивилизаціи Европы“ Гизо, чтобы указать на то, какъ этотъ ученый впервые „различилъ въ историческомъ развитіи общества два элемента: *личный*, который для Гизо какъ бы совпадалъ съ общечеловѣческимъ, и *общественный*, который какъ бы совершается съ меньшею сознательностью и заключается болѣе въ формахъ общественнаго строя, чѣмъ въ дѣятельности личностей“. Считая это различеніе въ высшей степени важнымъ, Лавровъ находилъ, однако,—и, нужно замѣтить, вполнѣ справедливо,—что понятіе о развитіи общественной дѣятельности у Гизо оставалось туманнымъ. Именно французскій историкъ какъ бы упускаетъ изъ виду, что измѣненіе общественныхъ формъ происходитъ не само собою, а путемъ дѣятельности личностей (тамъ же, стр. 96). Но у Гизо все-таки, хотя и смутно, высказалось „различеніе личной дѣятельности, измѣняющей общество во имя своего идеала, и общественной культуры, представляющей лишь среду для развитія личностей и обусловливающей болѣе или менѣе удобное ихъ развитіе“ (тамъ же, стр. 97).

[2]) *С. Арнольди.* Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. М. 1898.

[3]) Статья „Новый историко-философскій трудъ“ въ 45 книгѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“.

Во „Введеніи въ исторію мысли“ Лавровъ съ особою обстоятельностью останавливается на различеніи въ исторіи „идеально-обобщающаго“ и „реально-біографическаго“ элементовъ. „Если,—говоритъ онъ,—мы станемъ смотрѣть на исторію *только* какъ на результатъ рефлексовъ, совершающихся въ обществѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, мы получимъ лишь схему исторіи, рядъ формулъ, которыя не заключаютъ именно того, что составляетъ особенность всего человѣческаго. Въ нихъ мы не видимъ, какъ люди страдали и боролись, стремились къ лучшему и сознавали себя борцами за лучшее... Зная, какія безсознательныя, неизмѣнныя начала присутствуютъ въ жизни общества, исторія мысли хочетъ еще знать, насколько и какимъ образомъ эти начала переходятъ въ сознаніе личностей, и какіе результаты получаются отъ встрѣчи этихъ лучей, преломленныхъ въ столькихъ человѣческихъ призмахъ. Лишь изучая это, мы изучаемъ *жизнь* общества, и знать эту жизнь мы можемъ, лишь вглядываясь въ біографіи личностей, составляющихъ общество“ [1]). Въ послѣднее время многіе высказывали ту мысль, что біографическій элементъ не можетъ быть относимъ къ области науки. Лавровъ не раздѣлялъ этого взгляда или, по крайней мѣрѣ, сильно его ограничивалъ. „Біографіи отдѣльныхъ лицъ,—говоритъ онъ,—не имѣютъ вовсе научнаго значенія, если біографъ не усвоилъ и не хочетъ знать неизбѣжнаго обусловленія личностей общими законами физики и вліяніемъ среды. Но біографъ, мечтающій, что онъ можетъ всѣ факты изучаемой личности свести на *извѣстныя* общія начала и вліянія, доказываетъ неясное пониманіе средствъ и предѣловъ науки; если же онъ считаетъ въ біографіи важными лишь факты, объясняемые общими законами, онъ отнимаетъ у біографа всякій научный интересъ, низводя ее на степень иллюстраціи началъ, вовсе не нуждающейся еще въ одномъ подтвержденіи“ [2]). Становясь на такую точку зрѣнія, Лавровъ высказывался за возможность строгой научности и біографій и притомъ не только въ томъ случаѣ, если ихъ авторы умѣютъ „прослѣдить въ жизни личности все то, что можетъ быть выведено,

[1]) Введеніе въ исторію мысли, стр. 96—97.
[2]) Тамъ же, стр. 94.

какъ неизбѣжный результатъ общихъ физіологическихъ, психологическихъ, экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ при данной обстановкѣ культуры, расы, идей", но если при этомъ выдвигаютъ впередъ и все „обособляющее данную личность, принадлежащее ей настолько, что другія лица, поставленныя, повидимому, въ подобныя или почти подобныя обстоятельства, вышли иными и въ своихъ чувствахъ, и въ своихъ мысляхъ, и своихъ дѣйствіяхъ" [1]). Лавровъ даже думалъ, что вообще успѣхъ всѣхъ антропологическихъ наукъ зависитъ отъ тщательнаго изученія всего, что только служитъ обособленію личности. Между прочимъ, и исторической наукѣ, по его мнѣнію, постоянно нужно разрѣшать вопросъ, насколько событія подводятся подъ общіе законы и что „остается на долю дѣятельности конкретныхъ личностей, не разрѣшенной въ общій законъ". Поэтому-то онъ и требовалъ соединенія въ исторіи „идеально-обобщающаго и реально-біографическаго" элементовъ, говоря, что лишь при выполненіи этого условія въ надлежащей мѣрѣ можно *понять* ту или другую эпоху въ истинномъ ея значеніи и возсоздать ее во всей ея жизненности. „Понять эпоху,—говоритъ онъ,—можно лишь тогда, когда подъ картиною ея жизни мы угадываемъ безсознательные процессы, служащіе основаніемъ этой картинѣ... Возсоздать жизнь, возсоздать реальную мысль эпохи можно лишь при пособіи біографическаго элемента" [2]).

Какова же вообще роль, „которую слѣдуетъ придать личностямъ въ общемъ историческомъ развитіи человѣчества?" Лавровъ, конечно, не могъ игнорировать, что многіе мыслители готовы были приравнять ее къ нулю. „Роль личностей въ исторіи человѣчества,—говоритъ онъ,—оцѣнивалась весьма различно. Если въ младенчествѣ исторіи этой роли придавали слишкомъ большое значеніе, то впослѣдствіи, прямо наоборотъ, стали слишкомъ отрицать личный элементъ въ исторіи. Вмѣсто преобразователей, создателей государствъ, создателей законовъ, создателей культуры, въ исторіи воцарился безличный законъ событій, неизбѣжная сила идей, двигающая массы. Личностямъ отмежевано лишь скромное мѣсто глашатаевъ того, что развилось внутри об-

[1]) Тамъ же, стр. 95.
[2]) Та же страница.

щества болѣе или менѣе полныхъ представителей жизни идей“ [1]). Въ данномъ случаѣ, по мнѣнію Лаврова, повторился діалектическій законъ Гегеля: человѣческій умъ, схвативъ одну сторону предмета, непосредственно вѣрную, замѣтилъ ея неполноту и, разрушивъ ее, противоположилъ ей то начало, которое въ ней не было взято въ разсмотрѣніе. Но на этомъ дѣло остановиться не можетъ, и умъ долженъ перейти къ болѣе полному воззрѣнію, гдѣ удержана вся непосредственная вѣрность перваго начала, но дополненная усвоеннымъ противоположеніемъ. „Безспорно,—продолжаетъ Лавровъ,—что *реальны въ исторіи лишь личности*; лишь онѣ желаютъ. стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, совершаютъ исторію. Это—первобытное воспріятіе, само собою бросающееся въ глаза, и по тому самому первое доступное хроникеру, писателю мемуаровъ точно такъ же, какъ оно первое доступно изъ исторіи ребенку... Но едва ли не столь же очевидно для мыслящаго историка, что, начиная съ мелкихъ и доходя до важныхъ человѣческихъ мыслей и дѣйствій, *все въ личности есть неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ*. Неизбѣжные законы физики, химіи, физіологіи и психологіи господствуютъ надъ человѣкомъ въ каждое мгновеніе его бытія. Климатическія данныя, преемство расы, культурныя привычки общества, его окружающаго, преданія и вѣрованія, передаваемыя ему съ дѣтства, составляютъ неотвратимую обстановку, проникающую своимъ вліяніемъ во всѣ поры человѣка, обусловливающую всякое его физическое и нравственное движеніе. Наконецъ, вѣчная борьба теоретическихъ и практическихъ міросозерцаній, кипящая въ обществѣ, вѣчное столкновеніе экономическихъ интересовъ бросаетъ развивающагося человѣка въ ряды той или другой партіи, возбуждаетъ въ немъ самостоятельную личность, опредѣляетъ размѣръ его знаній, твердость его убѣжденій, энергію его характера, округляетъ его міросозерцаніе и обособляетъ его жизнь въ жизни его современниковъ. Наука исторіи начинается лишь съ усвоенія этого подчиненія личности общимъ законамъ личной и общественной жизни“ [2]) Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать и того, что историческія событія сами собою не

[1]) Тамъ же, стр. 93.
[2]) Тамъ же, стр. 94.

происходятъ. „Что бы ни писали о духѣ времени, о неизбѣжномъ теченіи событій, увлекающемъ личностей, но въ концѣ концовъ все-таки дѣлаютъ исторію личности; духъ времени составляется изъ настроенія мысли личностей; потокъ событій, увлекающихъ однихъ, образуется другими опять-таки личностями". Поэтому Лавровъ прямо даже считаетъ возможнымъ сказать, что исторія „представляетъ лишь идеальныя обобщенія событій, принадлежащихъ съ реальной точки зрѣнія къ области разныхъ біографій" [1]).

Всѣ эти статьи Лаврова, которыя мы только что разсматривали для опредѣленія того, какъ ставился имъ вопросъ объ эволюціи личности и о роли личности въ исторіи, равно какъ и другія его работы, помѣщавшіяся въ семидесятыхъ годахъ главнымъ образомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" и въ „Знаніи", имѣли значеніе подготовительныхъ этюдовъ къ задуманной авторомъ, но, какъ я сказалъ, оставшейся неоконченною „Исторіи мысли". Мы уже упомянули, что всѣ основныя идеи этого труда Лавровъ передъ своею смертью представилъ въ сжатомъ очеркѣ, своего рода конспектѣ, вышедшемъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ 1898 году. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ перваго по времени русскаго соціолога мы встрѣчаемся съ знакомыми уже намъ мыслями о положеніи личности въ обществѣ и о значеніи ея въ исторіи. „Личности,—говоритъ онъ,—входятъ въ исторію, какъ элементы коллективностей, по ихъ отношенію къ коллективнымъ задачамъ, передъ ними поставленнымъ событіями. Но въ то же время понятіе объ обществѣ при внимательномъ разсмотрѣніи его, оказывается лишь удобною формою для изученія единовременныхъ психическихъ процессовъ, совершающихся въ большемъ или меньшемъ числѣ солидарныхъ между собою личностей, и реальныхъ дѣйствій, ими совершаемыхъ, такъ что общества имѣютъ, собственно, реальное существованіе лишь въ личностяхъ, ихъ составляющихъ, именно въ *сознаніи* личностями своей солидарности, какъ между собою, такъ и съ коллективностью" [2]). Это касается положенія личности въ обществѣ, а значеніе ея въ процессѣ измѣненія общественныхъ формъ сводится къ тому, что главную роль въ самомъ существованіи и въ измѣненіяхъ

[1]) Тамъ же, стр. 95

[2]) *С. Арнольди.* Задачи пониманія исторіи, стр. 34.

этихъ формъ играютъ потребности отдѣльныхъ личностей, складывающихся въ общества. Двигателей разнообразныхъ измѣненій культуры,—говоритъ Лавровъ,—„надо искать, во-первыхъ, въ потребностяхъ отдѣльной личности, создающихъ формы общежитія и видоизмѣняющихъ эти формы опять-таки подъ вліяніемъ тѣхъ же или иныхъ потребностей; во-вторыхъ, во вліяніи на личности соціальной среды... Взаимодѣйствіе личностей и общественныхъ формъ... выступаетъ, какъ одинъ ихъ самыхъ существенныхъ элементовъ исторіи“ [1]). Мы уже раньше встрѣчались у Лаврова съ этой идеей взаимодѣйствія личности и культурно-соціальной среды [2]),—съ идеей, съ которою связано тѣснѣйшимъ образомъ отрицаніе научности за такими взглядами на исторію, по которымъ все дѣло въ самихъ только личностяхъ или только въ одной средѣ [3]). Эту свою точку зрѣнія Лавровъ защищалъ и въ „Задачахъ пониманія исторіи“, гдѣ имъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Ни исторія борьбы личностей за ихъ индивидуальныя привычки, интересы и убѣжденія, ни абстрактная исторія послѣдовательно возникающихъ и ослабѣвающихъ общихъ теченій исторіи не есть, въ ихъ отдѣльности, научно-понятая исторія“ [4]). Лавровъ съ большою убѣдительностью говоритъ здѣсь и вообще о ненаучности разсматриванія историческаго процесса, какъ безличнаго, когда пренебрегаютъ соображеніемъ, что „его единственными реальными совершителями были, будутъ и могутъ быть лишь личности въ ихъ индивидуальномъ разнообразіи; въ ихъ конкретномъ общественномъ положеніи въ узлѣ событій или въ одной изъ второстепенныхъ ихъ комбинацій; въ личныхъ побужденіяхъ“ [5]). Нѣсколько дальше, полемизируя съ такъ называемыхъ объективистами, авторъ „Задачъ пониманія исторіи“ говоритъ еще: „Какъ-то странно представить себѣ, чтобы эти объективисты рѣшились утверждать, что ходъ историческаго процесса можетъ совершаться безъ всякаго посредства и внѣ всякой иниціативы индивидуальныхъ мыслящихъ и волевыхъ аппаратовъ“ [6]). Да, для Лаврова отдѣль-

[1]) Тамъ же, стр. 27.
[2]) См. выше, стр, 34—35.
[3]) См. выше, стр. 28.
[4]) Арнольди, стр. 114—115.
[5]) Тамъ же стр. 114.
[6]) Тамъ же, стр. 117.

ныя личности, дѣйствующія въ исторіи, суть именно именно отдѣльные „мыслящіе и въ особенности волевые аппараты“, изъ которыхъ каждый способенъ къ отдѣльному дѣйствію, являющемуся результатомъ внутреннихъ процессовъ, въ немъ происходящихъ. „Научный фактъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—тотъ, что въ исторіи мы непосредственно наблюдаемъ лишь человѣческія личности, какъ *волевые аппараты*, составляющіе реальную почву всѣхъ историческихъ событій, реальные элементы всѣхъ культурныхъ общественныхъ формъ, реальный источникъ всей работы мысли“ [1]).

„Въ функціонированіи общественнаго союза, читаемъ мы нѣсколькими страницами дальше, въ историческомъ движеніи и въ жизни историческихъ эпохъ вообще реальны лишь *особи*. Лишь въ большемъ или меньшемъ числѣ этихъ особей воплощаются коллективные обычаи, аффекты, интересы и убѣжденія. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что всѣ явленія въ соціологіи и въ исторіи совершаются исключительно *личностями*, которыя создаютъ общество съ его разнообразными пріемами солидарности, съ его пестрыми формами культуры, съ его продуктами мысли, перерабатывающими эти формы культуры“ [2]). Мало того: противъ взгляда, по которому будто бы личность сама по себѣ ничто, и что все—общественная среда, Лавровъ рѣшительнѣйшимъ образомъ выставляетъ такое положеніе: „Въ отдѣльныхъ личностяхъ въ дѣйствительности воплощается безъ остатка жизнь общества“ [3]).

Лаврову пришлось писать свои „Задачи пониманія исторіи“ въ годы наиболѣе шумныхъ успѣховъ россійскаго экономическаго матеріализма съ его сведеніемъ личности къ нулю. Въ книгѣ замѣтны слѣды этого обстоятельства. Между прочимъ, адепты новой соціологической доктрины,—правда, послѣ того уже нѣсколько разъ мѣнявшіе свои взгляды,—старались подорвать „ученіе о роли личности“ указаніемъ на будто бы несогласованность между собою его основныхъ положеній. Находили,—говоритъ по этому поводу Лавровъ,—находили противорѣчіе въ такихъ заявленіяхъ: „Личности создали исторію“ и „все въ личности есть неиз-

[1]) Тамъ же, стр. 109.
[2]) Тамъ же, стр. 114—115.
[3]) Тамъ же, стр. 151.

бѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ", но это, въ сущности, только заявленія о двухъ одновременныхъ сторонахъ историческаго процесса, т. е. „роли иниціативы личности, какъ необходимаго способа осуществленія всякихъ безличныхъ историческихъ теченій" и о „роли среды и эпохи въ выработкѣ этой самой иниціативы" [1]). Коротко и ясно. „Личная иниціатива—въ дѣйствіи и въ воздержаніи отъ дѣйствій, въ критической борьбѣ съ существующимъ и въ подчиненіи рутинѣ—есть именно тотъ пріемъ, который исключительно доступенъ для историческаго теченія, самаго могущественнаго, какъ и самаго слабаго, чтобы воплотиться въ событія и идейные продукты" [2]). Въ исторіи дѣйствуютъ частныя и общія, индивидуальныя и культурно-соціальныя причины въ весьма различныхъ комбинаціяхъ. Ихъ нужно уловлять въ ихъ особенности и умѣть различать, не сваливая все безъ остатка на однѣ причины общія и культурно-соціальныя. Вѣдь и сами эти послѣднія причины складываются, какъ изъ своихъ необходимыхъ элементовъ, изъ причинъ частныхъ и индивидуальныхъ. „Въ процессахъ идейнаго и практич ескаготворчества,—говоритъ Лавровъ,—въ процессахъ, совершающихся въ милліонахъ отдѣльныхъ мозговъ, для научной исторіи важно въ особенности то, что́ сближало всѣ эти процессы въ немногія могучія историческія теченія желаній, убѣжденій и событій, стирая всякую индивидуальную обособленность реальныхъ агентовъ исторіи и обращая ихъ въ безличные органы жизни коллективной". Конечно, роль личной иниціативы „каждаго отдѣльнаго мыслящаго и волевого аппарата" совершенно незначительна въ цѣломъ историческаго процесса, но именно лишь эти „индивидуальные аппараты общаго безличнаго процесса позволяютъ ему совершаться и составляютъ исключительные его органы". Кромѣ того, въ этой своей роли они вносятъ въ историческій процессъ индивидуальное разнообразіе, а въ иныхъ случаяхъ обусловливаютъ для какой-либо личности, поставленной случайными обстоятельствами въ узлѣ событій, большее вліяніе на ходъ послѣднихъ, нежели можно было бы ожидать, принимая въ соображеніе исключительно могущество

[1]) Тамъ же, стр. 117.
[2]) Та же страница.

общихъ историческихъ теченій и индивидуальныя качества и способности того мыслящаго и волевого аппарата, который въ данномъ случаѣ имѣется въ виду“ [1]). Мы не будемъ оставливаться на разнообразіи, вносимомъ въ историческій процессъ участіемъ въ немъ особенностей дѣйствующихъ личностей, но вопросъ объ особенномъ вліяніи на ходъ исторіи со стороны личностей, поставленныхъ случайностями жизни, какъ выражается Лавровъ, „въ узелъ событій“, заслуживаетъ большаго вниманія. Конечно,—замѣчаетъ онъ,—общій характеръ политической исторіи XVIII в. обусловленъ общими теченіями, не зависѣвшими отъ лицъ, которыя участвовали въ этой исторіи, и тѣмъ не менѣе, напримѣръ, роль Пруссіи въ эту эпоху,—а съ нею и множество отдѣльныхъ событій этого и послѣдующаго времени,—оказалась бы совершенно иною, если бы Елисавета Петровна умерла годомъ позже, и если бы ея преемникъ имѣлъ другія личныя особенности. Беря другой примѣръ изъ области науки, Лавровъ высказываетъ небезосновательное мнѣніе, что личный характеръ Кювье не остался безъ вліянія на задержку цѣлой отрасли ученыхъ работъ. Вообще, „задачи жизни, прежде чѣмъ онѣ становятся опредѣленно передъ обществомъ, вынуждены воплотиться въ идею, требующую себѣ осуществленія въ индивидуальномъ дѣлѣ. Представители этой идеи становятся необходимымъ органомъ историческаго движенія. Лишь при ихъ неизбѣжномъ посредствѣ можетъ дѣйствовать детерминизмъ исторіи“, но въ такомъ случаѣ „особенности личностей, которыя составляютъ какъ бы узлы въ исторической сѣти событій данной эпохи, получаютъ болѣе или менѣе важное значеніе для историка, стремящагося понять эту эпоху“ [2]).

Отстаивая активность личности, какъ самостоятельной силы въ историческомъ процессѣ, Лавровъ съ особенною охотою останавливался на той мысли, что будущее отчасти зависитъ и отъ насъ самихъ „Надъ законами естественной необходимости,—писалъ онъ, напр., еще въ „Историческихъ

[1]) Тамъ же, стр. 116.

[2]) Тамъ же, стр. 120. Съ этой точки зрѣнія и въ „Задачахъ пониманія исторіи“ также защищается „біографическій элементъ исторіи“, къ которому во имя ложно понятой научности нѣкоторые высказываютъ пренебреженіе, 125.

Письмахъ“,—мы не властны, не властны мы и надъ исторіею. Мы властны въ нѣкоторой степени лишь надъ будущимъ, такъ какъ наши мысли и наши дѣйствія составляютъ матеріалъ, изъ котораго организуется все содержаніе будущей истины и справедливости. Каждое поколѣніе отвѣтственно передъ потомствомъ за то лишь, что оно *могло* сдѣлать и не сдѣлало“ [1]). Въ „Задачахъ пониманія исторіи“ Лавровъ опять возвращается къ этой мысли [2]). Если исторія дѣйствительно должна насъ научать, какъ слѣдуетъ понимать настоящее,—а этого Лавровъ требуетъ отъ науки,—то, съ другой стороны, пониманіе настоящаго не можетъ быть полно, если съ нимъ не соединено представленіе о тѣхъ возможностяхъ, которыя оно въ себѣ заключаетъ для будущаго. Лавровъ не принадлежалъ къ числу фаталистовъ, исключающихъ самое понятіе о разныхъ возможностяхъ, потому что не принадлежалъ и къ догматикамъ, которые готовы предсказывать будущее не на основаніи критическаго анализа настоящаго, а на основаніи какой-либо общей формулы, признаваемой за объективный законъ исторіи. Подобный догматизмъ въ „Задачахъ пониманія исторіи“ былъ прямо имъ осужденъ подъ названіемъ „логическаго субъективизма случайнаго и произвольнаго мнѣнія“.

Попытокъ опредѣленія существующихъ въ настоящемъ возможностей для будущаго требуетъ не только теоретическое изученіе прошлаго, но и самая практика жизни. Дѣло въ томъ, что „общій ходъ событій можетъ обнаружить передъ историкомъ мысли неизбѣжность въ каждомъ случаѣ *постановки* того или другого *вопроса*, тогда какъ то его рѣшеніе, которое изъ *возможнаго* сегодня дѣлается *дѣйствительнымъ* завтра, обусловливается сложной комбинаціей обстоятельствъ, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ доступною въ ея частностяхъ и случайностяхъ пониманію историка“ [3]).

---

[1]) „Историческія Письма“, 57. „Культура общества есть среда, данная исторіею для работы мысли и обусловливающая *возможное* для этой работы въ данную эпоху съ такою же неизбѣжностью, съ какою во всякое время ставитъ предѣлы этой работѣ неизмѣнный законъ природы“, стр. 91.

[2]) Для послѣдующаго см. болѣе подробно въ моей статьѣ о „Задачахъ пониманія исторіи“ Арнольди.

[3]) *Арнольди*, стр. 366.

Вообще, возможность переходитъ въ дѣйствительность при наличности извѣстныхъ условій, къ числу которыхъ относятся и тотъ или другой образъ дѣйствій личностей, составляющихъ изъ себя общество. „Для обращенія,—говоритъ далѣе Лавровъ,—исторически возможнаго въ дѣйствительности совершающееся трудно не признать преобладающей роли личностей, случайно поставленныхъ въ узлѣ событій данной эпохи, какъ правители или какъ демагоги; какъ пророки, окруженные ореоломъ фантастическихъ вѣрованій, или какъ отрицатели тѣхъ или другихъ особенностей современной имъ культуры; какъ типическіе представители общаго поднятія духа въ обществѣ, толкающаго массы на историческое дѣло, или столь же общаго упадка общественнаго духа,—упадка, парализующаго всѣ попытки вызвать коллективный организмъ къ реагированію противъ соціальной болѣзни“ [1]). Вопросъ о роли личности въ исторіи имѣетъ, конечно, не одно теоретическое значеніе, но будучи самъ по себѣ вопросомъ чисто-теоретическимъ, онъ долженъ быть рѣшенъ на чисто-научной или философской почвѣ. Обозрѣвая самыя послѣднія умственныя теченія, Лавровъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что, несмотря на разные пункты несогласія, существующіе между ними, они болѣе или менѣе сходны между собою въ томъ, что всѣ очень „склонны подрывать расчетъ на личную иниціативу и энергію воли у отдѣльныхъ особей“. Онъ особенно подчеркиваетъ, что это явленіе наблюдается какъ разъ „въ то самое время, когда догматъ всеобщей конкуренціи, характеризующій царство буржуазіи, требуетъ непремѣннымъ условіемъ прочности этого царства особенное развитіе и этой иниціативы, и этой энергіи“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ даже особенно выдвигаетъ на видъ роль, какъ онъ выражается, „класса дѣлопроизводителей“ [3]) въ современномъ обществѣ, т. е. людей, знающихъ и понимающихъ дѣла, ведущія къ накопленію и перераспредѣленію богатствъ, и достигающихъ своихъ цѣлей, благодаря изворотливости и проницательности мысли и энергіи характера. Ни одинъ общественный строй не обходится безъ такихъ „дѣлопроизводителей“, и будущее, конечно, въ

[1]) Тамъ же, стр. 367.
[2]) Тамъ же, стр. 357.
[3]) Тамъ же, стр. 337.

этомъ отношеніи не будетъ отличаться отъ прошедшаго и настоящаго.

Но тутъ-то и возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находится это допущеніе роли личности къ усиливающемуся все болѣе и болѣе господству началъ детерминизма въ современномъ пониманіи міра. Противники личнаго начала въ исторіи часто утверждаютъ, будто теоретики историческаго процесса, иначе понимающіе роль личности, придаютъ ей такое значеніе, что ради него готовы бываютъ отрицать закономѣрность общественныхъ явленій („личность все можетъ"). Послѣднее было бы дѣйствительно полнымъ ниспроверженіемъ научнаго міросозерцанія, но дѣло въ томъ, что у Лаврова сознательное дѣйствіе личностей, само подчиненное строгой закономѣрности, противополагается отнюдь не этой закономѣрности, а всему тому въ историческомъ процессѣ, въ чемъ проявляется умственная и волевая пассивность людей. То или другое, только возможное, становится, по его убѣжденію, дѣйствительнымъ лишь тогда, когда этому помогаютъ въ достаточной мѣрѣ стремленія и усилія отдѣльныхъ лицъ. Лавровъ не говоритъ, чтобы теоретическій детерминизмъ самъ по себѣ практически приводилъ непремѣнно къ общественному квіетизму, и даже думаетъ, что этотъ самый детерминизмъ для осуществленія неизбѣжнаго требуетъ превращенія въ непремѣнныя свои орудія— чувства, мысли и воли индивидуальныхъ строителей будущаго. Научно-философское пониманіе исторіи, полагаетъ онъ, и должно въ этомъ отношеніи формулировать „правила умственной и нравственной гигіены для всякой развитой личности". Самъ Лавровъ выноситъ изъ всего изученія исторіи поученіе, которое можетъ быть коротко передано слѣдующимъ образомъ: ставя себѣ жизненныя цѣли, личность прежде всего имѣетъ передъ собой элементъ неизбѣжнаго, неотвратимаго: это—вся совершившаяся исторія, все то, что уже прошло и что создало какъ самоё личность, такъ и окружающую ее среду. Этотъ неустранимый элементъ есть фактъ, и личности остается только къ нему приспособляться съ цѣлью нахожденія въ немъ всего того, что можетъ быть ея орудіемъ или пособіемъ въ достиженіи ея жизненныхъ цѣлей. Но затѣмъ передъ личностью въ каждую данную эпоху обнаруживаются различныя, даже противоположныя

по своему направленію возможности дальнѣйшаго хода событій, причемъ однѣ изъ этихъ возможностей, повидимому, имѣютъ всѣ шансы осуществиться, такъ сказать, сами собою; другія же, напротивъ, требуютъ особаго напряженія мысли и воли сочувствующихъ лицъ и вообще кажутся менѣе вѣроятными. Нерѣдко увѣренность въ легкой осуществимости той или другой возможности заставляетъ людей слишкомъ полагаться на естественный ходъ вещей и пренебрегать личными усиліями, и, наоборотъ, нерѣдко трудность осуществленія чего-либо заставляетъ въ безсиліи опускать руки. Правильное пониманіе историческаго процесса для однихъ даетъ строгія поученія, для другихъ служитъ оживляющимъ урокомъ. Сколько разъ тѣ, которые вчера казались непобѣдимыми, на другой день оказывались безсильными противъ незамѣченныхъ и презираемыхъ враговъ, и одержанныя побѣды превращались въ пораженія лишь потому, что сами-то оставались еще только возможностями, требовавшими дальнѣйшей работы мысли и дѣятельности воли. Съ другой стороны, все, что возможно, при какихъ-нибудь новыхъ комбинаціяхъ способно обратиться въ дѣйствительное, хотя бы шансы этого обращенія и были слабы, — лишь бы только правильно работала мысль и энергично дѣйствовала воля [1]). Изъ этого разсужденія Лавровъ извлекаетъ и цѣлое поученіе для развитой человѣческой личности, которая желаетъ быть въ числѣ сознательныхъ строителей будущаго. Это—тотъ же старый его призывъ къ дѣятельности во имя того, что необходимымъ органомъ совершающагося историческаго детерминизма всегда была и будетъ сила мысли и энергія воли личностей. „Когда,—говоритъ онъ,—ты поставилъ передъ собой жизненную цѣль, какъ твой личный идеалъ, всю свою силу мысли, всю свою энергію воли въ мірѣ создаваемыхъ тобою цѣлей и выбираемыхъ тобою средствъ, тогда твое дѣло сдѣлано. Пусть тогда волна историческаго детерминизма охватитъ твое *я* и твое дѣло своимъ неудержимымъ теченіемъ и унесетъ ихъ въ водоворотъ событій. Пусть они перейдутъ изъ міра цѣлей и средствъ въ міръ причинъ и слѣдствій, отъ тебя независящій. Твое дѣло или твое воздержаніе отъ дѣятельности одинаково вошло неустра-

[1]) Тамъ же, стр. 369—370.

нимымъ элементомъ въ строеніе будущаго, тебѣ неизвѣстнаго. Понятая тобою исторія научила тебя приспособляться къ неотвратимому, и оцѣнивать значеніе возможностей въ борьбѣ за жизненныя цѣли, и энергически бороться за лучшее будущее для милліардовъ незамѣтныхъ особей, которыя рядомъ съ тобою сознательно и безсознательно строятъ будущее. Борись же за это будущее и помни слова одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ: „Побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ“ [1]). Въ этихъ словахъ мы узнаемъ автора „Очерковъ практической философіи“ и „Историческихъ Писемъ“ [2]).

Въ теоріи личности Лаврова важное значеніе, кромѣ вопроса о личности, какъ историческомъ агентѣ, и даже, пожалуй, еще большее значеніе, чѣмъ ему, принадлежитъ вопросу о развитіи личности. Между прочимъ на идеѣ личнаго

[1]) Тамъ же, стр. 371.

[2]) Современный идеалъ,—писалъ Лавровъ въ „Очеркахъ вопросовъ практической философіи“,—„требуетъ человѣка, который свободно развиваетъ въ себѣ и въ другихъ физическія качества умъ, знаніе, характеръ, сознаніе справедливости; человѣка, который уважаетъ достоинство всякаго ближняго, какъ свое собственное, и не только укажаетъ мысленно, но готовъ рисковать своею личностью, чтобы защитить личное достоинство и справедливыя требованія другой личности. Эгоистическое стремленіе наслаждаться на счетъ другихъ въ этомъ человѣкѣ преобразовывается въ наслажденіе собственнымъ дѣломъ, полезнымъ и прекраснымъ для другихъ... Этотъ идеалъ,—продолжаетъ Лавровъ,—не является для человѣка внѣшнимъ закономъ, понужденіемъ, обязательствомъ, наложеннымъ внѣміровою или общественною властью. Онъ есть обязанность внутренняя, обязанность относительно самого себя, свободно налагаемая личностью на себя вслѣдствіе логической оцѣнки обстоятельствъ, въ которыхъ личность живетъ, и вслѣдствіе естественнаго стремленія къ высшему возможному блаженству“. Наконецъ, Лавровъ подчеркиваетъ и общественное значеніе такого идеала. „Этотъ идеалъ справедливой личности, логически развившійся въ человѣкѣ, представляется ему, какъ необходимый и обязательный не только для него, какъ человѣка, а потому обязательный для всѣхъ людей. Во имя идеала каждая отдѣльная личность сознаётъ въ себѣ и въ другихъ право судить дѣйствія и явленія, признавать ихъ справедливыми, хорошими, заслуживающими похвалы или несправедливыми, дурными, заслуживающими порицанія. Еще болѣе: этотъ идеалъ требуетъ не только сознанія справедливости, но ея воплощенія въ дѣйствительность, въ жизнь; требуетъ много борьбы и жертвы за правое дѣло“.

развитія онъ обосновывалъ всю свою этику, какъ и въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія его „Современныя ученія о нравственности и ея исторія“. Въ этой замѣчательной работѣ проводится та мысль, что развитіе во внутреннемъ мірѣ человѣка воспринимается, какъ сознаніе возвышенія собственнаго существа, сопровождающееся своего рода и притомъ высшаго порядка наслажденіемъ, соединеннымъ съ чувствомъ обязанности и впредь развиваться. Разница между внутреннимъ міромъ людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія, не количественная только, но и качественная: представленія, понятія, идеи болѣе развитого человѣка болѣе тонки, болѣе ясны, болѣе вѣрны, болѣе возвышенны. Внутреннее, психическое развитіе состоитъ изъ отдѣльныхъ измѣненій, которыя происходятъ въ нашихъ знаніяхъ и въ нашемъ пониманіи, но когда мы сознаёмъ, что мы что-либо вѣрнѣе знаемъ или яснѣе понимаемъ, мы въ то же время чувствуемъ, что вмѣстѣ съ этимъ мы сами какъ бы улучшились, стали выше, чѣмъ были прежде, въ своихъ собственныхъ глазахъ. „Фактъ расширенія мысли,—говоритъ Лавровъ,—фактъ умственнаго развитія подходитъ подъ многообразную категорію *наслажденія*, а потому въ числѣ другихъ фактовъ представляетъ цѣль и орудіе животной борьбы за существованіе. Онъ увеличиваетъ наши средства поддерживать наше существованіе, вліять на окружающій насъ міръ, а потому, опять въ ряду другихъ подобныхъ же фактовъ, входитъ въ обширную категорію *полезнаго*. Но развитіе представляетъ не только наслажденіе вообще и даже не только наслажденіе, подлежащее оцѣнкѣ по его пользѣ: оно представляетъ состояніе духа, въ которомъ личность сознаётъ себя выше, чѣмъ была. Сойти на прежнее положеніе,—это для нея—*унизиться*, продолжать тотъ же процессъ, это для нея—*возвыситься*. Каждый особенный аффектъ,—продолжаетъ Лавровъ,—вызываетъ особенный психическій рефлексъ, превращающійся при нѣкоторой силѣ рефлекса и при удобныхъ обстоятельствахъ въ рефлексъ физическій. Аффектъ наслажденія вызываетъ вообще желаніе; аффектъ сознанія пользы вызываетъ расчетъ; аффектъ сознанія возвышенія существа вызываетъ рефлективный процессъ *обязанности*. Лишь человѣкъ, имѣющій случай ощущать послѣ незначительныхъ промежутковъ времени снова и снова наслажденіе развитія,

получаетъ нѣкоторую привычку къ этому *особенному* психическому рефлексу, начинаетъ отличать его въ себѣ и наконецъ становится настолько развитымъ человѣкомъ, что для него его психическое понятіе *обязательности* представляется съ совершенною ясностью“ [1]). Развитіе личности и есть для Лаврова основа, на которой возникаетъ мѣрка для сужденія о мысляхъ и поступкахъ по ихъ нравственному качеству, по ихъ внутреннему достоинству. Тутъ поступки судятся не по ихъ слѣдствіямъ (пріятнымъ или полезнымъ), а по ихъ намѣреніямъ, намѣренія же, т.-е. представленія, соединенныя съ чувствованіями и стремленіями, судятся по ихъ соотвѣтствію съ тѣмъ, что человѣкъ въ своемъ творчествѣ нравственныхъ идеаловъ и въ своемъ изслѣдованіи нравственыхъ идей считаетъ соотвѣтственнымъ достоинству человѣка и содержанію понятія о добрѣ.

Эти мысли, съ первымъ наброскомъ на которыхъ мы встрѣчаемся въ „Очеркахъ вопросовъ практической философіи“ [2]), лежатъ въ основѣ всего объясненія Лавровымъ генезиса нравственнаго чувства. Потребность развитія, какъ потребность высшаго порядка, выростающая на почвѣ нервнаго возбужденія, всегда входила у него въ общій счетъ тѣхъ потребностей, удовлетвореніемъ которыхъ живутъ люди. И въ личной, и въ общественной жизни онъ приписывалъ ей громадное значеніе. И этому вопросу Лавровъ посвятилъ не мало мѣста въ своемъ послѣднемъ résumé всего имъ передуманнаго въ области теоріи личности: только личное развитіе превращаетъ индивидуумъ въ дѣятеля прогресса. Лавровъ очень часто указывалъ на то, какъ при извѣстныхъ условіяхъ въ обществѣ выдѣляется и пріобрѣтаетъ на него вліяніе группа личностей, способныхъ наслаждаться развитіемъ и вырабатывающихъ потребность развитія. Это—интеллигенція, которая въ историческомъ міросозерцаніи Лаврова „выступаетъ, какъ двигатель сознательныхъ измѣненій культуры въ противоположность непреднамѣреннымъ ея измѣненіямъ. Ея дѣло,—говоритъ онъ еще,—есть переработка культуры мыслью“ [3]). Конечно, потребность развитія появ-

[1]) Современ. ученія о нравствен. и ея исторія, От. Зап., IV, стр. 437 и слѣд.; эта работа также имѣется въ отдѣльномъ изданіи.

[2]) См. выше, стр. 12 и слѣд.

[3]) *Арнольди*, стр. 30.

ляется сравнительно поздно, тогда какъ необходимость солидарности, очень и очень часто оказывающейся враждебною личному развитію [1]), относится, наоборотъ, къ числу наиболѣе раннихъ явленій. Можно даже сказать, что зависимость между индивидуумами устанавливается помимо всякихъ сознательныхъ процессовъ, сама собою, совершенно фатальнымъ образомъ, и лишь впослѣдствіи вырабатывается солидарность сознательная, являющаяся могучимъ орудіемъ общества въ борьбѣ за существованіе. Въ сущности, потребность солидарнаго общежитія для успѣховъ въ борьбѣ за существованіе влечетъ за собою господство неизмѣннаго обычая, т.-е. культурный застой, требующій подчиненія индивидуальной мысли и дѣятельности устанавливающимся формамъ. Но, какъ мы уже видѣли [2]), Лавровъ не считалъ возможною окончательную побѣду традиціонализма. Выросши на почвѣ одной изъ областей потребностей нервнаго возбужденія, потребность развитія обусловила и первое проявленіе идейныхъ интересовъ въ исторіи, и ихъ логически неизбѣжное усиленіе, а въ будущемъ она же обусловитъ и болѣе или менѣе вѣроятное преобладаніе идейныхъ интересовъ. Хотя Лавровъ и приписывалъ громадное значеніе интересамъ политическимъ и особенно экономическимъ, тѣмъ не менѣе, по его представленію, „несмотря на всѣ стремленія интересовъ экономическихъ и политическихъ преобладать въ исторіи и эксплуатировать въ свою пользу продукты интересовъ идейныхъ“, уже и въ настоящемъ даже времени потребность развитія, выработавшаяся въ интеллигенціи въ самостоятельную силу, „сдѣлалась, въ сущности, главнымъ двигателемъ исторіи“ [3]). Вѣдь изъ интеллигенціи и выходятъ тѣ „дѣлопроизводители“, о которыхъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ [4]). Эти общественные дѣятели могутъ служить очень несходнымъ интересамъ, отчего зависитъ различіе какъ тѣхъ цѣлей, которыя они себѣ ставятъ, такъ и тѣхъ средствъ, къ которымъ они

[1]) Въ одномъ мѣстѣ Лавровъ прямо говоритъ о дилемѣ „или крѣпкой солидарности при подавленіи развитія отдѣльной личности, или же сильнаго и разносторонняго развитія личности, отрекшейся отъ всякой идейной солидарности стр.“; 360.

[2]) См. выше, стр. 39—40.

[3]) *Арнольди.*, стр. 61.

[4]) См. выше, стр. 52.

прибѣгаютъ, но во всякомъ случаѣ міръ цѣлей и средствъ вырабатывается только въ сознаніи отдѣльныхъ дѣятелей. Какъ работа индивидуальной мысли, такъ и направленіе индивидуальной воли, да и вся дѣятельность интеллигенціи съ классомъ общественныхъ „дѣлопроизводителей“ могутъ имѣть весьма неодинаковое значеніе, между прочимъ, по отношенію къ общественной солидарности и къ личному развитію. Вообще можетъ существовать — и даже на самомъ дѣлѣ существуетъ — нѣкоторый и при томъ весьма значительный антагонизмъ между общественною солидарностью и личнымъ развитіемъ. Съ основной точки зрѣнія Лаврова, оба эти элемента, существенно различные, одинаково необходимы и существуютъ нераздѣльно; но въ исторіи оказываются возможными „такія формы солидарности, которыя мѣшаютъ росту сознательныхъ процессовъ въ интеллигенціи, и такія условія роста послѣднихъ, которыя подрываютъ общественную солидарность“. Поэтому Лавровъ и видѣлъ прогрессъ въ ростѣ и скрѣпленіи солидарности лишь тогда, когда она не мѣшаетъ развитію сознательныхъ процессовъ и мотивовъ дѣйствія въ личностяхъ лишь настолько, насколько это не оказываетъ препятствія росту и скрѣпленію солидарности между наибольшимъ числомъ личностей [1]).

Не касаясь здѣсь подробностей соціальнаго идеала автора „Задачъ пониманія исторіи“, мы отмѣтимъ только, что въ его представленіи совершенное общество немыслимо безъ широкаго личнаго развитія, потребность котораго включается имъ вообще въ число потребностей личности. Но все-таки это только одна изъ потребностей личности: есть и другія. Было бы крайне односторонне разсматривать человѣка, какъ какой-то безплотный духъ, или только „мыслительный и волевой аппаратъ“. Но этого и не было у Лаврова. Онъ бралъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть, съ его зоологическими предками, не только какъ личность, но и какъ біологическую особь. Уже въ первомъ своемъ трудѣ онъ опредѣлилъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывается личная жизнь особи, стремящейся удовлетворить свою потребность въ наслажденіи. Въ „Задачахъ пониманія исторіи“ онъ также исходитъ изъ перечисленія и классифика-

[1]) *Арнольди*, стр. 131.

ціи потребностей отдѣльныхъ личностей. Вся соціальная жизнь возникаетъ изъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, и изъ ихъ различныхъ группъ Лавровъ особенно выдѣлялъ три группы способностей, дающихъ начало жизни экономической, политической и идейной [1]). „Прямое,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—прямое аффективное наслѣдство зоологическаго міра (влеченіе къ общежитію, влеченіе половое и родительская заботливость), весьма вліятельное по отношенію къ психологическимъ процессамъ въ особяхъ, оказывается едва ли особенно значительнымъ мотивомъ соціологической эволюціи, благопріятной для роста солидарности и сознательныхъ процессовъ. Поэтому побужденіе къ ней приходится искать въ тѣхъ чисто-животныхъ потребностяхъ человѣка, которыя нельзя не признать эгоистическими, но которыя именно онъ обратилъ въ человѣчныя и благопріятные въ указанныхъ отношеніяхъ“ [2]). Прежде всего это была потребность въ пищѣ, которая въ концѣ концовъ обратилась въ потребность особи обезпечить себѣ при помощи общежитія и общественныхъ учрежденій матеріальныя средства существованія. „Въ этой своей формѣ,—говоритъ Лавровъ,—она легла въ основаніе всей эволюціи экономической жизни человѣчества“. Онъ даже и не считаетъ особенно нужнымъ напоминать, что „вся эволюція родовой, семейной, индивидуальной и государственной собственности, борьба классовъ въ продолженіе всей исторіи и борьба труда съ капиталомъ въ наше время оказываются въ значительной мѣрѣ въ своемъ основаніи вопросами желудка“ [3]). Другая изъ указанныхъ потребностей есть потребность индивидуальной безопасности, и она-то именно обусловила эволюцію политической жизни соціальныхъ организмсвъ. Наконецъ, третья потребность есть потребность въ нервномъ возбужденіи, которая проявилась ранѣе всего въ стремленіи украшать жизнь, и этому Лавровъ приписываетъ столь важное значеніе, что, по его мнѣнію, лишь оно было способно восторжествовать надъ лѣнью тѣла и мысли, со-

[1]) Тамъ же, стр. 12.

[2]) Тамъ же, стр. 42.

[3]) Лавровъ былъ готовъ отнести и „огромную долю“ даже творчества художественнаго, философскаго, научнаго и нравственнаго къ тому же источнику.

ставляющею характеристическую черту дикаря не-исторической и исторической культуры [1]). Въ этомъ послѣднемъ источникѣ заключаются основанія для всей духовной культуры съ ея эстетическими, религіозными, нравственными, философскими и научными явленіями.

Во всѣхъ своихъ работахъ Лавровъ старался объяснить тѣ или другія явленія культурно - соціальнаго порядка изъ соотвѣтственныхъ источниковъ, не впадая въ односторонность. Его теорія личности была одною изъ наиболѣе полныхъ, и отъ односторонности спасало его то, что за исходный пунктъ своихъ соціологическихъ построеній онъ бралъ человѣческую личность со всѣмъ разнообразіемъ ея жизненныхъ проявленій, а не ту или другую сторону общественности. Въ то время, какъ экономическій матеріализмъ стремится свести всѣ явленія исторіи на побужденія и потребности экономическія, другіе современные писатели (напримѣръ, Дюрингъ и Гумпловичъ) охотно ищутъ основной мотивъ процесса исторіи въ элементѣ политическомъ. „Наименѣе приверженцевъ,—говоритъ Лавровъ,—сохранило между реалистическими изслѣдователями этого процесса недавно еще господствовавшее стремленіе видѣть въ сознанныхъ и несознанныхъ идеяхъ, слѣдовательно, въ высшихъ формахъ нервнаго возбужденія, главнаго двигателя исторіи“ [2]). За каждою изъ этихъ трехъ теорій историческаго процесса онъ признаётъ весьма различную цѣнность для научнаго пониманія эволюціи человѣчества, но, сравнивая между собою эти теоріи, онъ находитъ необходимымъ обратить вниманіе на три стороны дѣла: 1) на сравнительно болѣе или менѣе раннее появленіе трехъ упомянутыхъ потребностей, 2) на болѣе или менѣе ихъ частое повтореніе въ жизни и мысли человѣка и 3) на бо́льшую или меньшую необходимость эволюціи ихъ послѣдовательныхъ фазисовъ [3]). Все это, дѣйствительно, важныя соображенія, рѣшающія вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. По вопросу о болѣе или менѣе раннемъ появленіи трехъ упомянутыхъ потребностей Лавровъ высказывался въ томъ смыслѣ, что человѣкъ уже отъ сво-

[1]) Тамъ же, стр. 45.
[2]) Тамъ же, стр. 47.
[3]) Тамъ же, стр. 49.

ихъ зоологическихъ предковъ унаслѣдовалъ ихъ всѣ, такъ что приходится признать ихъ мало уступающими одна другой въ качествѣ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій. Другое дѣло—степень повторяемости побужденій, обусловливаемыхъ этими тремя потребностями; въ этомъ отношеніи, конечно, потребность въ пищѣ безусловно преобладаетъ надъ двумя другими, а потому „экономическіе мотивы во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ должны были безусловно преобладать надъ политическими“ [1]). Тѣмъ не менѣе Лавровъ и здѣсь совѣтуетъ не забывать, что за борющимися группами прогрессивной, консервативной и реакціонной интеллигенціи идутъ другіе общественные элементы, очень часто лишь по привычкѣ или по аффекту, и что въ самихъ группахъ руководящей интеллигенціи мотивы политическіе иногда преобладаютъ надъ экономическими, а тѣ или другіе въ иныхъ случаяхъ уступаютъ первенство побужденіямъ идейнаго свойства [2]). Что касается, наконецъ, большей или меньшей необходимости эволюціи послѣдовательныхъ фазисовъ трехъ разсматриваемыхъ потребностей, которая равнымъ образомъ должна опредѣлять относительную ихъ цѣнность для научнаго пониманія исторіи, то Лавровъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе идейной эволюціи, потому что,—говоритъ онъ,—только въ этой области проявляется еще одинъ историческій двигатель, именно „мотивъ неизбѣжныхъ логическихъ послѣдствій“. Дѣло въ томъ, что всякое понятіе вызываетъ роковымъ, логическимъ процессомъ появленіе новыхъ понятій независимо отъ того, совпадаетъ ли развитіе этихъ логическихъ фактовъ съ экономическими и полити-

---

[1]) Тамъ же, стр. 51. Поэтому Лавровъ даже рекомендовалъ искать объясненія политической исторіи прежде всего въ интересахъ экономическихъ, хотя и оговаривался при этомъ, что „каждое гипотетическое объясненіе этого рода не можетъ еще считаться фактическимъ и что вѣроятность его должна быть строго провѣрена въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“, стр. 52.

[2]) Между прочимъ, Лавровъ ссылается на многочисленные примѣры разнаго рода коллективныхъ увлеченій, изъ которыхъ совершенно исчезаетъ всякій расчетъ какихъ бы то ни было реальныхъ интересовъ экономическихъ или политическихъ, хотя онъ и далекъ отъ утвержденія, будто этотъ элементъ исторической жизни встрѣчается очень часто и проявляется съ большою силой.

ческими интересами людей, въ которыхъ или среди которыхъ эти факты возникаютъ. Въ однихъ случаяхъ новыя понятія совпадаютъ съ интересами вліятельныхъ индивидумовъ и группъ, въ другихъ случаяхъ между новыми идеями и существующими интересами происходитъ конфликтъ, и въ зависимости отъ всего этого историческое движеніе или ускоряется, или замедляется, но въ концѣ концовъ логика развитія слѣдствій изъ данныхъ посылокъ оказывается неодолимою силой [1]). Такъ называемые проклятые вопросы настойчиво требуютъ своего рѣшенія, и противъ этого не могутъ ничего подѣлать господствующіе экономическіе и политическіе интересы. Подобнымъ идейнымъ теченіямъ Лавровъ придавалъ большое значеніе и въ видѣ примѣра ссылался на христіанскую церковь, какъ на такую самостоятельную силу, которая сама вызвала цѣлыя господствующія формы экономическихъ отношеній, политическихъ организацій, философскихъ и эстетическихъ продуктовъ [2]).

Итакъ, у личности есть три группы потребностей, дающія въ жизни общества начало явленіямъ экономическимъ, политическимъ и идеологическимъ. Это—потребности въ пищѣ, въ безопасности и въ нервномъ возбужденіи. Всѣ эти три рода потребностей одинаково древни въ жизни человѣчества, но если изъ нихъ первой принадлежитъ несомнѣнное первенство въ смыслѣ болѣе частой повторяемости, то въ смыслѣ необходимости эволюціи послѣдовательныхъ фазисовъ побѣда остается за третьей. Этотъ послѣдній элементъ всегда особенно и интересовалъ Лаврова. Поэтому и его соціологія имѣла не экономическую и не политическую, а психологическую основу. Этимъ опредѣляется и его отношеніе къ экономическому матеріализму, который стремится сдѣлаться всеобъемлющей соціологической теоріей, совершеннаго игнорируя личность и вліяніе ея внутренняго міра на внѣшніе процессы жизни человѣчества [3]).

На этомъ мы и кончимъ. Моей задачей не было раз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 55.

[2]) Тамъ же, стр. 58.

[3]) Объ отношеніи Лаврова къ экономическому матеріализму см. упомянутую мною статью „Новый историко-философскій трудъ“.

смотрѣть всѣ сочиненія и всѣ стороны ученія Лаврова. Напротивъ, я нарочно выдѣлилъ изъ всего того, о чемъ онъ писалъ, только одну сторону, его „теорію личности“, отдѣльныя части которой разбросаны по разнымъ сочиненіямъ. Какой бы хоть сколько-нибудь обширной темы ни касался онъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, всегда большею частью онъ ставилъ вопросъ: „А какъ слѣдуетъ объ этомъ думать по отношенію къ личности, къ ея развитію и къ ея роли въ обществѣ“? Это—центральный пунктъ всего мышленія Лаврова и ключъ къ пониманію постановки имъ многихъ теоретическихъ вопросовъ. Лавровъ былъ первымъ русскимъ соціологомъ и оказалъ большое вліяніе на дальнѣйшее движеніе научной мысли въ области соціологіи. Его „антропологизмъ“ отразился на соціологіи общимъ ея психологическимъ и этическимъ характеромъ, который и придалъ отличительную окраску такъ называемой русской субъективной школѣ въ соціологіи. О ея первой по времени теоріи слишкомъ мало писали, чему, конечно, были свои причины, и, разумѣется, нельзя не пожелать, чтобы рано или поздно,—и, понятно, лучше раньше, чѣмъ позднѣе,—философскія сочиненія Лаврова, разбросанныя по старымъ журналамъ, были собраны вмѣстѣ и тѣмъ самымъ сдѣлались болѣе доступными и для читающей публики и для критики [1]).

---

[1]) Въ предисловіи къ настоящему изданію указано, что это пожеланіе начинаетъ исполняться, а въ примѣчаніяхъ къ стр. 32, 35 и 57 отмѣчено, какія именно работы уже переизданы, кромѣ «Историческихъ Писемъ», тоже имѣющихся въ новыхъ изданіяхъ.

БИБЛІОТЕКА „СВѢТОЧА“

подъ редакціей С. А. Венгерова.

Органъ литературы, исторіи и политики.

Библіотека „Свѣточа“ представляетъ собою рядъ **отдѣльныхъ** сочиненій и небольшихъ произведеній, распредѣленныхъ по слѣдующимъ серіямъ: I. Избранныя произведенія политич. литературы. II. Матеріалы для исторіи русск. общественнаго движенія. III. Вожди русскаго сознанія. IV. Исторія религій. V. Исторія и теорія литературы. VI. Произведенія русскихъ писателей, не вошедшія въ собранія ихъ сочиненій. VII. Лѣтопись текущихъ событій.

Вышедшіе №№ Библіотеки „Свѣточа“.

№ 1. **Мильтонъ**, Рѣчь о свободѣ печати (Areopagitica). Ц. 20 к.
„ 2. **В. Г. Бѣлинскій**, Письмо къ Гоголю. Ц. 10 к.
„ 3. **С. А. Венгеровъ**, Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Ц. 20 к.
„ 4. **Самодержавіе и печать въ Россіи**. Исторія петиціи 114 писат. и мартирологъ русск. печати. Ц. 25 к.
„ 5. **И. С. Тургеневъ**, Неизд. стихотв. въ прозѣ „Порогъ“ Ц. 3 к.
„ 6—9. **С. Степнякъ**, Подпольная Россія. 2-ое русск. изд. Ц. 80 к.
„ 10—14. **К. К. Арсеньевъ**, Салтыковъ-Щедринъ. Съ 5 фототипіями. Ц. 1 р. 50 к.
„ 15. **А. Г. Горнфельдъ**, Муки Слова: Ц. 20 к.
„ 16—20. **Ренанъ**, Жизнь Іисуса. Полн. научн. пер. подъ ред. и съ предисл. акад. **Александра Веселовскаго**. Съ портр. Ренана. Ц. 1 р. 50 к.
„ 21—25. **Эдвинъ Арнольдъ**, Свѣтъ Азіи (Изложеніе въ поэтич. формѣ буддизма). Перев. **А. М. Ѳедорова** 2-е иллюстр. изд. съ пред. и примѣч. академика **С. Ѳ. Ольденбурга**. 1 р. 50 к.
„ 26. **М. К. Цебрикова**, Письмо къ Александру III. Съ прибавленіемъ написанныхъ для настоящаго изданія воспоминаній объ обстоятельствахъ, при которыхъ письмо было написано. Ц. 20 к.
„ 27. **М. К. Цебрикова**, Каторга и ссылка Ц. 20 к.
„ 28—32. Проф. **Д. Н. Овсянико-Куликовскій**, Гоголь. Съ фототипич. портр. Гоголя. Ц. 1 р.
„ 33—34. Проф. **Н. И. Карѣевъ**, Теорія личности П. Л. Лаврова. Съ фототипич. портр. Лаврова. Ц. 30 к.
„ 35—39. **С. М. Кравчинскій-Степнякъ**. Собраніе сочиненій, дополненное по рукописямъ. Единственное, разрѣшенное вдовою автора, изданіе. Ч. I-я. Съ предисловіемъ П. А. Кропоткина и фототипич. портретомъ автора. Ц. 1 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Жанъ-Жакъ Руссо, О причинахъ неравенства. Перев. съ фр. подъ ред. и съ вступительною статьею **С. Н. Южакова**.

Н. А. Котляревскій. проф. Литературныя направленія Александровской эпохи.

Максъ Штирнеръ. Единственный и его собственность. Изд. комментированное.

С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы.

Цѣна за годовой комплектъ (50 №№)—10 р. **Каждое сочиненіе, входящее въ составъ Библіотеки „Свѣточа“, продается отдѣльно.** **Иногородные** обращаются въ редакцію: Спб., Разъѣзжая, 39, С. А. Венгерову. Городскіе—въ книжные склады: 1) „Обществ. Польза“, Б. Подъяч., 39 и 2) А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр., 15.

№№ 33—39 «Библ. Свѣточа» находятся на складѣ въ книжн. магазинѣ «Прометей», Загородный, 28.